

Россия в мемуарах

В.В. Стратонов
ПО ВОЛНАМ ЖИЗНИ
II

Новое
Литературное
Обозрение

Россия в мемуарах

Всеволод Стратонов

По волнам жизни. Том 2

«НЛО»

УДК 52(092)

ББК 22.6д

Стратонов В. В.

По волнам жизни. Том 2 / В. В. Стратонов — «НЛО»,
— (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-4448-1305-8

В 1922 году большевики выслали из СССР около двухсот представителей неугодной им интеллигенции. На борту так называемого «философского парохода» оказался и автор этой книги – астроном, профессор Московского университета Всеволод Викторович Стратонов (1869–1938). В первые годы советской власти Стратонов достиг немалых успехов в роли организатора научных исследований, был в числе основателей первой в России астрофизической обсерватории; из нее потом вырос знаменитый Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга. В то же время Стратонов был непримиримо конфликтным человеком – он не только навлек на себя немилость партии большевиков, но и рассорился со многими коллегами-учеными. Воспоминания Стратонова переносят читателя в разные уголки дореволюционной и раннесоветской России – на Кубань и Кавказ, в Среднюю Азию, в Москву, Тверь, Муром и Петроград. Автор описывает, как учились, сдавали экзамены и бунтовали студенты, как наблюдали звездное небо астрономы и ходили в экспедиции военные топографы и геодезисты, как жили казаки, кавказские горцы и народы Туркестана, как был устроен чиновничий мир на окраинах империи, как свершалась революция и как боролась за высшую школу московская профессура. В мемуарах Стратонова читатель обнаружит не только ценное историческое свидетельство, но и увлекательное повествование.

УДК 52(092)

ББК 22.6д

ISBN 978-5-4448-1305-8

© Стратонов В. В.

© НЛО

Содержание

Часть II (окончание)	7
Муромское житие	7
1. Многовековой город	7
2. Личное	11
3. Мозаика	18
В Твери копчение	22
1. Служебные воспоминания	22
2. В педагогическом мире	27
3. Мозаика	34
Часть III	39
Великая война	39
1. В Твери – в тылу	39
Революционная гроза	45
1. Первые раскаты	45
2. Весна революции	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

В. В. Стратонов

По волнам жизни. Том 2

Серия выходит под редакцией А. И. Рейтблата

Рукопись выявлена в архиве и скопирована К. В. Ивановым; подготовка текста В. Л. Гениса и К. В. Иванова; предисловие К. В. Иванова; комментарии В. Л. Гениса при участии К. В. Иванова; послесловие, аннотированный именной указатель и библиографический список В. Л. Гениса

© В. Л. Генис, послесл., комментарии, аннотированный именной указатель, библиогр. список, 2019

© К. В. Иванов, комментарии, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение». Оформление, 2019

* * *

Часть II (окончание)

Муромское житие

1. Многовековой город

Муром

Древний Муром, каким он был тогда, в 1912 году, представлялся поистине замечательным городком.

На триста или четыреста лет старше Москвы... Но столетия проходили за столетиями, везде развивалась культура, а этот уголок как будто оставался в стороне от течения истории.

Внешний вид Мурома, конечно, изменялся, но перемены можно было бы заметить, только сравнивая между собою столетия. Все так же в центре города стояло небольшое число палат купцов-богатеев, а к краям красовались старинные деревянные избышки людей попроще, победнее.

Деревянные постройки заполняли весь почти город. В центре попадались недурные дома, разукрашенные русской резьбой. Преобладали одноэтажные, но попадались и в два. Крыши обыкновенно ставились высокие, острые.

Каменные дома только изредка попадались и притом по преимуществу казенных учреждений: отделение Государственного банка, реальное училище, женская гимназия, да еще громадное здание винной монополии, – Витте, в качестве министра финансов, широко разбрасывал казенные деньги на постройку винных складов.

Мощеных улиц в городе почти не было. Вымощена была, хотя и плохо, – неровными камнями, небольшая главная торговая артерия, Московская улица; кое-где, однако, уже начинали шоссировать улицы. Тротуаров почти вовсе не было, кроме Московской улицы, да еще редких оазисов. Но во многих местах были устроены деревянные мостки.

Осенью и весной, когда таял снег или лил дождь, улицы Мурома представляли собою нечто невообразимое.

Вообще люди ходили по середине улиц. На местах, где в других городах устраивались тротуары, часто росла трава, и здесь паслись коровы или искала корму домашняя птица.

– Как же это у вас в городе улицы не мощеные?

«Отцы города», все муромские богатеи-купцы, отвечали, сильно окая:

– Ни к чему это. У нас свои лошади есть. Мы не ходим!

«Мы не ходим»... А если кто беден – сам себя вини.

В Муроме старины было немало, но ею не интересовались, мало обращали на нее внимания. Испокон веков дух городского населения был торговый, купеческий. История им – ни к чему. Город в прошлом мало страдал и от татар, и от других политических невзгод – просто купечество откупалось.

Показывали старенькую церковь на берегу Оки, относящуюся к эпохе Иоанна Грозного. Она почти не ремонтировалась, во всяком случае, была сильно запущена. За несколько веков не удосужились к ней хотя бы подход камнями вымостить.

Хранили долгое время, как историческую реликвию, ту лодку, в которой будто бы купеческие сыновья перевозили на веслах через Оку Иоанна Грозного, когда он шел походом на Казань.

Признаков остальной старины я как-то не встречал. Правда, была еще оригинальная старинная живопись в церквах. На одной иконе, поучая истине: «в своем глазу бревна не видишь...», был изображен грешник, у которого из глаза торчало громадное полено.

Но от легенды об Илье-Муромце современным муромцам – или, как они себя теперь величали, муромлянам – отмахнуться было трудно. В полутора верстах от современного Мурома расположено село Карачарово, из которого вышел знаменитый богатырь. На самом краю Карачарова была усадьба, с тенистым парком, известной деятельности по археологии графини Уваровой.

На полпути к Карачарову был старинный колодезь, о котором ходила легенда, что он возник от удара копытом коня Ильи-Муромца. Деревянная обкладка колодца сильно сгнила, и обвалившиеся ее куски плавали на воде колодца. Возле стояла забытая, ветхая часовенка.

Храмов в Муроме было много, слишком много, по сравнению с количеством населения небольшого уездного города. Некоторые, несомненно, были старые. Жизнь горожан сильно сосредотачивалась своими интересами около церковных дел. Духовенства было очень много, и оно пользовалось в Муроме значительным почетом и влиянием.

И все-таки Муром был красив весной. Утопал в садах, особенно – окраины. Когда расцветали вишни, благоухание несло по всему городу. Это – известная Владимирская вишня.

Множество соловьев. Поют в садах, во дворах, на улицах, поют, не боясь редких прохожих. Мы ходили иногда в Гофманскую рощу, останавливались в сумерках возле кустов, на которых пели соловьи, и они не пугались, не улетали.

Ока сильно разливалась, заполняла водяной гладью, в несколько верст шириной, противоположный городу берег. На далекое расстояние торчат из воды верхушки деревьев. Зато потом комаров – изобилие порядочное.

Обыватели

В Муроме почти все население – особенно его верхи, купечество, – было между собою сродни. С чужими родниться не любили. Муромляне вообще были большие консерваторы и, вместе с тем, большие патриоты своего города. Часто от них бывало слышно – и этому они сами искренне верили, – что лучшего места, чем их дыра, на свете быть не может.

Было несколько фамилий, которые в городском населении повторялись несчетное число раз. Такими фамилиями были, например: Суздальцевы¹, Зворыкины², Мяздриковы, Тагуновы и еще две-три других. Богатыри они были, неладно скроенные да крепко сшитые. Их часто муромляне различали только по кличкам: Зворыкин глухой, или Суздальцев кривой, или Суздальцев у Вознесенья и т. п. Были, разумеется, в городе и другие фамилии, но лишь немного.

¹ В 1912–1913 гг. членом Муромской городской управы являлся Петр Дмитриевич Суздальцев, торговой депутации – Константин Васильевич Суздальцев, товарищами директора Городского общественного банка – Тимофей Алексеевич и Анатолий Васильевич Суздальцевы, агентом страхового общества «Северное» – Митрофан Алексеевич Суздальцев (см.: Город Муром и Муромский уезд // Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год. Владимир, 1912. С. 258–263).

² Помощником кассира Муромского отделения Государственного банка состоял Павел Иванович Зворыкин, директором Городского общественного банка – Кузьма Алексеевич Зворыкин, председателем Сиротского суда – Сергей Иванович Зворыкин, агентами страховых обществ «Надежда» и «Якорь» – соответственно Владимир Дмитриевич Зворыкин и Николай Васильевич Зворыкин, земским дорожным техником – Александр Владимирович Зворыкин (Там же).

На верхах обывателей были купцы – старые, родовитые, тысячетные купцы. Других профессий они не знали и знать не хотели. Только немногие откалывались и становились врачами, инженерами и пр. Но всегда и везде муромляне крепко держались друг за друга.

Многие сильно нажились, попадались и миллионеры. Но и большие богачи мало чем выделялись от остальных. Считалось дурным тоном выказывать свое богатство.

По железной дороге муромские богачи ездили не иначе, как в третьем классе. Если кто дерзал ездить во втором, его зло поносили за расточительность. Также не допускалось иметь в городе хорошие экипажи. Другое дело – лошадей; рысаков можно было иметь сколь угодно хороших, но все же лучше не слишком дорогих. Щеголять же богатством экипажа – не годилось.

Но иногда бывали гулянья, например, катанье на маслянице, когда купчихам и купеческим дочерям, что «на выданы», полагалось щегольнуть своим богатством. Катающиеся женщины показывали свои меха, жемчуги да бриллианты. Особенно хороши бывали старинные, родовые, еще прабабушкины кокошники, засыпанные жемчугами, бриллиантами да камнями самоцветными.

Все эти накопленные столетиями богатства, без сомнения, попали потом в руки большевиков.

Доминирующей чертой характера муромцев была скупость, доводимая до крайних пределов.

На благотворительном балу в реальном училище, в пользу нуждающихся учеников, – меня поразила манера благотворительных продавцов буквально виснуть на фалдах гостей, приставая именно, как банный лист, чтобы что-либо продать.

– Да разве в Муроме, – возражали на мое недоумение, – иначе можно? Если не приставать, как с ножом к горлу, так от этих толстосумов и двугривенного не вытянешь.

Но вразрез с этой скупостью шла традиция, чтобы во время приемов на именинах или при других праздничных семейных occasions пустить гостеприимство вовсю.

За неделю хозяйка начинала готовить всякие яства и закуски, особенно в холодное время, когда мороз позволял долго их сохранять. Приготовления заканчивались печением пирогов, – уже накануне праздника. Труд для хозяйки был великий, потому что прислуги держалось мало – на нее неохотно тратились.

«Сам» ездил в Москву закупать вина и закуски, которых нельзя было купить в Муроме.

Собирались гости, начиналось угощение. Стол заставлялся всеми видами закусок, какие только можно было найти в московских гастрономических магазинах или изготовить дома, – однако только закусками. Вокруг стола рассаживались одни лишь мужчины. Когда они наедались до отвала, уходили отдыхать в кабинет. Стол приводился в порядок, снова заставлялся закусками, но за ним рассаживались и наедались до отвала одни только женщины.

И женщины отрывались, наконец, от стола и шли на женскую половину расстегивать корсеты и юбки, готовясь к продолжению обеда. Стол же опять приводился в порядок и заставлялся рыбой, дичью и другими основательными блюдами.

Снова наедались сперва мужчины, а после них женщины.

Через некоторое время новая смена стола: сладкие блюда, фрукты, соответствующие вина. И так обедались целый день.

После обеда на одном из таких приемов я спросил гостеприимного хозяина Н. В. Суздальцева, одного из самых именитых муромских купцов:

– Ну, и мастерица же ваша супруга! Поцеловали ли вы ей ручку за то, что она наготовила?

– Какое там ручку... Все поцеловал, что полагается!

Особенно замечательны были муромские пироги, необыкновенно пухлые. Очень вкусен был пирог, называвшийся в Муроме почему-то «наполеоновским». Была в городе одна вдова, специалистка по его изготовлению. Пирог состоял из нескольких слоев, разделенных между

собой: слой с мясом, рыба с вязигой, капуста, что-то еще... Казалось, что кусок такого пирога, толщиной чуть ли не в три вершка, в рот не пойдет. Шел, однако, да еще как вкусно было.

На маслянице муромские купцы начинали обедаться блинами еще чуть ли не в постели.

Общественная жизнь

Общественной жизни в Муроме тогда не было заметно почти никакой. Да и интеллигенции было очень мало. Небольшое число чиновников и учителей, очень малое число дворян с их уездным предводителем, а все остальное покрывалось муромским купечеством.

Разумеется, были где-то и другие люди, с более высокими культурными запросами, со стремлением к знанию, но их заметить было нельзя.

В общем, городская жизнь была настолько малокультурной, что, например, прочитать тогда в Муроме публичную лекцию показалось бы бестактностью, совершенным непониманием обстановки.

В центре интересов муромской жизни стоял базар. В нормальное время, как это ни странно было, – в Муроме можно было найти в торговле далеко не все. Поэтому гости среди недели были для хозяйки настоящим несчастьем. Если вас приглашали в гости, то не иначе как на субботу или воскресенье. Опытные гости и сами так приходили.

Вызывалось это тем, что в Муроме по субботам бывал базар, и притом довольно большой. Соборная площадь и боковые улицы сплошь заполнялись возами. На базаре муромляне себе все и закупали, на целую неделю.

Цены, правда, были дешевые. Зайца можно было купить за 20–30 коп., их привозили целыми возами. Тетерку – за 40–60 коп., поросенка – за 1 р. – 1 р. 20 коп. и т. п. Четыре стакана молока – 20 коп.

Город в сильной мере жил интересами базара. Слышались разговоры:

– Как этот базар сошел?

– Да ничего! Только прошлый был еще больше.

Был и клуб – общественное собрание. Летом он помещался на конце маленького городского бульвара, выходящего к Оке. На берегу стояло деревянное здание, перестроенное из барки, в два этажа. Здесь и собиралась публика – посидеть, поужинать. Можно было полакомиться прекрасной окской стерлядью и притом дешево.

Зимой в этом клубе только кутили купцы, да еще изредка ставились любительские спектакли.

Существовало еще прозябавшее дворянское собрание.

И потребности муромлян были малые. Еще по кавказской привычке к вину, приехав в Муром, я зашел в лучший бакалейный магазин спросить вина. Спрашиваю столовое вино – один сорт, другой, третий... Нет. Есть только десертные и дорогие вина. У меня вырвалось:

– Да что у вас в Муроме – только одну водку и пьют?

Неожиданно моя фраза пошла в ход, и я еще на протяжении полугода слышал, что ее цитируют.

А пили в Муроме водку действительно здорово. В предпраздничные дни перед винной лавкой образовывался длиннейший хвост, и вся улица была запружена телегами, ожидающими хозяев, что стояли в винной очереди.

В Муроме был и театр, летний. Это был деревянный сарай, расположенный в рощице, близ вокзала. Но открывался он редко.

При мне как-то открылся он по случаю прибытия «оперы». На самом деле приехала кучка учеников консерватории, маленькая труппа. Мы пошли послушать «Травиату».

Голоса были неплохие, но еще не готовые, не обработанные. Артистов было так мало, что некоторые исполняли по две роли. Такая возможность достигалась жесточайшими купюрами, лишавшими либретто смысла. Аккомпанемент – пьянино.

Но сценическая постановка была у бедных артистов замечательная. На вечере у Виолетты на тесной сцене поставили стол, главным украшением которого были известные всему городу два канделябра, стоявшие в буфетике местного вокзала. В картонные, облепленные позолоченной бумагой, бокалы лилось воздушное вино. И все в таком же роде.

Бывал, однако, момент, когда жизнь Муромы всколыхивалась до самого низу – это в самом начале лета: устраивалась ярмарка (с 25 по 29 июня). Она длилась формально лишь несколько дней, но приготовления к ней шли задолго, и задолго же там начиналась и торговля.

Спешно плотники ремонтировали старые деревянные бараки, строили новые. Площадь быстро покрывалась деревянными лавками, – но все это на незамощенной земле, во время дождя покрывавшейся топкими лужами. А между тем ярмарки здесь устраивались, вероятно, не одно столетие. Муромлянам не приходило в голову вымостить свое торжище.

Как на этой ярмарке все пахло стариной, не тронутой веками! Так, будто в этом затхлом углу ничто не меняется. Мелкая торговля – самым простым товаром, нужным для деревни. Ярмарка была рассчитана на мужика и на мелкого мещанина. Действительно, крестьяне соседних деревень стекались сюда массами. На обочине ярмарочной территории стояли целые вереницы возов, а из ближайших к ярмарке трактиров и на ней самой раздавались пьяные возгласы.

Лавочки были полны мануфактуры, простой галантереи, разной дешевой посуды и домашней утвари, глиняных и деревянных изделий и пр. Был небольшой и конный торг. А для развлечения – карусели, первобытные наивные балаганы, с выскакивающими из них, чтобы зазывать публику, намалеванными клоунами, жалкий зверинец. Сбоку площади приютился скромный провинциальный цирк. В отдельных павильонах торговали усатые греки, грузины и армяне восточными сладостями. А в центре, на небольшой площади, играл оркестр из шести еврейчиков. Боже, как он играл! Когда начнут, только и ждешь, как бы скорее кончили.

За неимением других развлечений, все мы каждый день ходили на ярмарку и накупили совершенно ненужный хлам.

Но район был действительно промышленный. В самом Муроме было несколько фабрик и заводов, например – Большая Муромская мануфактура. В окрестностях было развито производство мешков – они изготовлялись массами и давали хорошую прибыль. Затем – картофельно-паточные заводы, металлических изделий и пр.

Неподалеку было знаменитое село Павлово, славившееся металлическими кустарными изделиями: замками, ножами и пр. Это село работало с муромским отделением Государственного банка.

К тому же банковому району тяготели и весьма крупные металлические заводы и особенно Выксунский и Колюбакинский – отделение Коломенского.

Промышленная жизнь была ключом. Наживались и купцы, и крестьяне, да и рабочие, ввиду большого спроса на рабочие руки, едва ли были в плохом положении.

2. Личное

Новая неудача

Судьба продолжала за что-то мстить.

Когда, в середине марта 1912 года, я снова был в Петербурге и зашел к Коншину, он сказал:
– Вакансии для вас еще нет, но скоро будет.

– Где?

– Скажу вам, но только под большим секретом. В Муроме.

– Помилуйте, в отделение третьего разряда? Я просился перейти управляющим в отделение второго или первого разряда, а вы мне даете место контролера в третьем разряде!

Коншин скривился:

– Так мне указал его сиятельство министр.

– В таком случае позвольте мне лично переговорить с графом Коковцовым.

– Пожалуйста!

Тем временем я уже был назначен чиновником особых поручений в министерство без содержания. Материальное положение стало трудным.

Являюсь к Коковцову представиться по случаю назначения. Сетую на то, что Коншин мне предлагает ехать в Муром.

– А я, – говорит Коковцов, – и то удивляюсь Коншину, что он назначает вас, нового человека, на такое ответственное место! Ведь Муром – это важный промышленный центр.

Ясно – министр так поддерживает своего управляющего банком, что всякие разговоры бесполезны.

Когда я откланивался директору канцелярии Бэру, он говорит:

– А вас все ищет бывший муромский контролер Демуцкий, теперь назначенный в Ржев управляющим.

Действительно, в одном из кулуаров меня ловят за рукав.

– Простите, не вы ли господин Стратонов?

– Да...

– Я – Алексей Данилович Демуцкий!

Подвижной, нервный, но, по-видимому, болезненный человек, – рассказывает мне кое-что о Муроме, но так, что определенного впечатления вынести нельзя. От отзыва об управляющем отделением Восленском уклоняется:

– Сами увидите!

Зато постоянно упоминает о бухгалтере Леке. Почему он все к нему возвращается?

– Есть ли для контролера квартира?

– О, да! Прекрасная квартира, семь комнат... Только...

– Что только?

– Нет, ничего. Вы сами все на месте узнаете!

Что за странные все загадки он загадывает.

– К кому вы мне посоветовали бы там сразу обратиться?

– К секретарю Вениамину Владимировичу Гофману. Славный молодой человек. Вы ему телеграфируйте о своем приезде.

Глухой провинциальной веткой железного пути добрался я из Коврова до Мурома. Все искал знаменитых муромских лесов, их и в помине уже не было. Соловьи-разбойники видно давно вывелись.

Встретивший меня по телеграмме на вокзале В. В. Гофман уговорил остановиться первую ночь у него. Оказалось, что и он, и его жена Лидия Дмитриевна – уроженцы Новороссийска. У нас оказалось множество общего, и это нас сблизило. Гофман мне откровенно объяснил, на что так загадочно намекал Демуцкий.

Мое прямое начальство, управляющий отделением Александр Александрович Восленский – или, как его прозвали, Осленский – ленивый, хитрый и злой человек, из поповичей. Находится всецело в руках своей жены, могилевской купчихи, также злой, властолюбивой,

мстительной и падкой на лесть молодой женщины. Она лепит из мужа, точно из воска, любую фигуру.

Слабостью Восленской ловко воспользовался бухгалтер Лек. Лестью, подлипальничеством и угодничеством он приобрел ее фавор, а с ним и фактическую власть в банке. В нем делается все по указке Лека, управляющий ему подчиняется под давлением жены.

Лек – личность темная, подозрительная. Говорят, что принимает подарки от клиентов и выхлопывает им кредиты у Восленского. Выдает себя, по фамилии, за англичанина. На самом деле – типичный еврейчик, уши и черты лица выдают.

Контролера Демуцкого Лек третировал. Не только не признавал в нем начальство, но позволял себе его при всех служащих вслух и в лицо бранить: «негодяй!», «дурак!» Демуцкий, ожидая назначения управляющим, смертельно боялся, чтобы не вышло какой-либо истории, могущей повредить его назначению, а потому все это сносил без протестов. Лек теперь уже привык пренебрегать контролером, и восстановить нормальный порядок, по мнению Гофмана, невозможно.

Когда уходил Демуцкий, Восленский хлопотал о назначении на его место Лека. Между тем назначили меня. Отсюда наперед ко мне возникло у Восленских и Лека враждебное отношение, и меня будут стараться выжить...

– Ну, а как с моей квартирой?

– Ваша квартира занята.

– Кем?

– Леком и его семьей!

Оказалось, что за денежную компенсацию Демуцкий уступил свою квартиру бухгалтеру.

– Но ведь о моем приезде было известно?

– Было!

– Что же, Лек не освободил квартиры?

Гофман смеется.

– Не освободил и не собирается освобождать.

– Где же я помещусь?

– Вам Восленский велел приготовить две комнаты, предназначенные для приезжих, полуподвальные.

На другое утро прихожу в банк официально. Восленский – высокий мужчина, с длинным заостренным носом, точно у мертвеца, встретил меня со сдержанной неприветливостью. Видно было, что он наперед настроился враждебно.

Стал я знакомиться с персоналом.

Лек произвел скверное впечатление. Хитрое, лисье лицо, глаза бегают по сторонам. Приторен, но одновременно часто принимает нахальный тон.

Кассир И. П. Сеславин – беспорядочный, любящий выпить человек. Не особенно злобный, но и мало дельный.

Мой ближайший помощник В. Д. Тагунов – хитрый и окающий муромский мещанин. Старается со всеми ладить и при этом извлекать выгоды из своего служебного положения.

Остальные чиновники, почти все местные уроженцы, – в большинстве народ малосимпатичный, доверия не внушавший. Некоторые прямо отвратительны, например, бухгалтерский чиновник Смыслов. Некультурные; лучше остальных только Гофман и два инспектора мелкого кредита.

Грустная обстановка! Куда же меня забросила судьба и за что? Какая-то смрадная лужа.

К тому же и положение контролера в Государственном банке было глубоко ненормальное. С одной стороны, как ближайший заместитель управляющего, он должен был все контролировать и обязан был протестовать, если что-либо было не так. С другой – он всецело зависел

от отзывов о нем управляющего, который имел право негласно свести с ним любые счета, если контролер имел смелость выявлять свое лицо и самостоятельное мнение.

Начало службы

Поместившись в полуподвальной квартире, я тотчас же заявил и Восленскому, и Леку мою просьбу об освобождении квартиры контролера. Оба ответили неопределенным мычанием. Между тем от жизни в сыром помещении у меня стала резко проявляться кавказская малярия. Я стал настаивать на уходе Лека из моей квартиры и назначил ему ультимативно недельный срок.

Неделя прошла без последствий. Спрашиваю Лека:

– Что же вы не уходите? Ведь неделя прошла.

– Но ведь это вы назначили неделю, а не я! А я вам вовсе не обещал, что за это время уйду.

– Когда же вы думаете переходить?

– Этого я еще не знаю!

Его наглый тон меня взорвал. Заявляю решительным тоном Восленскому:

– Если в течение трех дней Лек не освободит мою квартиру, я протелеграфирую управляющему Государственным банком с просьбой о вмешательстве в это дело.

Оба они трусили и засуетились. Лек стал любезно-слащавым, а через три дня квартира была свободна.

Восленский уехал в двухмесячный отпуск. Так как я был еще совсем новый человек, то вместо меня управлять банком во время отпуска Восленского командировали управляющего Рыбинским отделением банка Александра Ивановича Цакони. Он оказался глубоко порядочным человеком и джентльменом. За эти два месяца у нас завязались сохранившиеся на всю жизнь добрые отношения. Он мне много помог товарищескими советами и в служебном отношении. Попытки Лека распорядиться, как при Восленском, встретили решительный отпор Цакони, и Лек должен был притаиться.

Но и Восленский, и Лек стали навЕРстывать потерянное, когда Цакони уехал. Началась открытая агрессивная политика против меня. Истории возникали за историями, и все – из-за таких пустяков, о которых и говорить-то не стоило. Обо всех этих мелких случаях, в своей пристрастной обрисовке, Восленский сообщал в центральное управление банка.

Неудивительно, что там создавалось совершенно отрицательное обо мне впечатление. При всех своих недостатках Восленский хорошо владел пером, и он это свое умение направил на нечестную борьбу.

Но, должно быть, кто-нибудь обратил внимание на то, что за два месяца Цакони не прислал ни одной жалобы на меня, в то время как Восленский посылал их непрерывно.

Цакони мне написал, что получил запрос из Петербурга с просьбой высказать с совершенной откровенностью свое мнение обо мне. Он писал, что дал обо мне вполне хороший отзыв, отметив только, что у меня есть свойство слишком строго соблюдать банковые правила. Цакони отмечал, что, как известно банку, таковы свойства всех, кто переходит в банк из других ведомств, и эти особенности скоро нивелируются.

Ревизор

Очевидно, противоречие отзывов вызвало недоумение. Вскоре получилось известие, что в Муром едет инспектор банка А. А. Петров, бывший до того времени управляющим муромским же отделением. Официально он командировался для инструктирования нас по кредито-

ванию льноводства, секретное же поручение было – выявить правду о происходящем между Восленским и мною.

Имея в руках пачку доносов Восленского, Петров приехал сильно против меня взвинченный. Правда, Гофман, служивший при Петрове и пользовавшийся его доверием, частично осветил ему обстановку. Все же два дня разговоров исключительно с Восленским его наэлектризовали.

Во всяком случае, перед отъездом Петров счел нужным поговорить и с другой стороной, со мною. Должно быть, настроенный Восленским, он ожидал от меня всякого неприличия. Поэтому он, предупредив через Гофмана о предстоящем посещении, прибавил:

– Если Стратонов не пожелает со мною разговаривать, пусть велит сказать у входа, что не может принять меня!

Звонок. Входит Петров, в застегнутом черном сертуке, сдержанный, весь накрахмаленный. Заводим разговор.

Полчаса Петров тянет ненужную канитель о льноводстве, все время присматриваясь ко мне. Терпеливо выслушиваю, задавая из приличия вопросы. Но постепенно Петров сводит разговор на наши события. Облегчаю ему задачу, упомянув о возникших у нас трениях.

– Скажите, – подхватывает он мяч, – что, собственно, у вас вышло?

– По-моему, Александр Аникитович, во всем здесь происшедшем больше всех, если только не исключительно, виноват я сам!

Петров, изумленный, откинулся назад, широко открыв глаза:

– То есть, как так?

– По своей многолетней профессии я – математик. Поэтому привык к большой во всем точности. Затем, в течение последних семи лет административной деятельности, я привык и сам точно соблюдать законы и требовать такого же соблюдения от других. Поэтому во мне развилась привычка к совершенно точному соблюдению правил. Моя же вина в том, что я не сразу уловил, что в живом банковом деле такой ригоризм неприменим. Между тем, по моему служебному опыту, мне надо было бы понять это сразу, с первых же шагов. Если б я этой ошибки не сделал, то не возникли бы и разные мелкие недоразумения. Вот в чем я себя и виню!

Петров почувствовал себя выбитым из седла. Видимо, он ожидал, что я буду обвинять кого угодно, но только не себя. Сразу бросил он всю свою дипломатию и льноводство и стал ставить прямые вопросы. Я отвечал с возможной объективностью.

На другой день Петров объяснялся по этим же вопросам с Восленским и остался, очевидно, неудовлетворен. Выйдя из кабинета Восленского, он держал себя относительно меня демонстративно любезно. А когда в этот вечер все мы провожали уезжавшего Петрова, Восленский на вокзал не приехал.

Заключение по ревизии Петров дал в мою пользу.

Но отношения не улучшились и после ревизии, а скорее наоборот. Восленский и Лек вели себя вызывающе и, как новый прием, стали поощрять дерзкие выпады против меня подчиненных.

Мне, наконец, это надоело, и я испросил недельный отпуск в Петербург. Разрешение пришло, но Восленский под разными предлогами стал меня задерживать. Сам же тем временем стал посылать обо мне в Петербург жалобу за жалобой, подготавливая мне соответственным образом почву. Наконец, я снова пригрозил, что протелеграфирую в Петербург жалобу, что он не дает мне воспользоваться разрешенным отпуском, и только тогда я получил возможность ехать.

В Петербурге князь Д. Н. Шаховской подтвердил, что к моему приезду пришел целый ворох кляуз Восленского против меня и что они произвели дурное впечатление. Кое-что он мне все же показал, и это облегчило мою задачу.

Главным образом пришлось объясняться с Д. Т. Никитиным, который встретил меня очень кислыми обвинениями.

– Позвольте же и мне дать свои объяснения. Нельзя же судить по односторонней обрисовке.

– Ну, хорошо! Подайте записку с вашими объяснениями.

Спешно я засел за работу.

– Хорошо, – сказал Никитин, прочитав мою записку. – Теперь возвращайтесь, а относительно дальнейшего мы подумаем.

Недели через две Восленский вызывает Лека в кабинет. Толкуют о чем-то, запершись.

Меня поразил зверский взгляд, брошенный на меня Леком при выходе из кабинета.

Через несколько дней скрываемое стало явным. Пришло распоряжение центрального управления о переводе Лека, «для пользы службы», в Бердянск. Это было служебным понижением.

Две партии

После удаления этой язвы, я попытался установить терпимые отношения с Восленским, и это удалось бы, если б не влияние его жены, не прощавшей поражения в деле ее адъютанта. Дразги продолжались, и в них были вовлечены служащие.

Досадным образом между ними образовались две группы: более многочисленная – «партия управляющего», и менее численная – «партия контролера». Всякие выходки против меня первой партии встречали теперь открытое сочувствие Восленского. Мне стоило большого труда и выдержки держать этих чиновников так, чтобы они не переходили грани.

В трезвом их состоянии таких молодцов было удерживать легко. Труднее приходилось, когда они были пьяны, а в Муроме это случалось нередко. Особенно будировал пьянчужка помощник кассира Белорусцев, относительно которого я не раз предупреждал Восленского, что может кончиться плохо, когда пьянице поручают перевозить казенные деньги и ценности. Белорусцев не раз лез ко мне, будучи пьяным, с вызывающими и угрожающими жестами, но мое деланное спокойствие предотвращало скандал. Другой пособник Восленского, временно заместивший Лека, – В. В. Смыслов действовал в городе, распуская обо мне небылицы.

С теми же чиновниками, которые считались моими приверженцами, Восленский сводил счета. Первым поплатился Гофман. Внезапно в холодное время года Восленский приказал ему работать ежедневно по три часа, приводя в порядок архив, в чем никакой спешности не было. Гофману приходилось сидеть в явно вредном зимою для работы сыром подвальном помещении. При этом Восленский запретил сторожам помогать секретарю при переноске больших тяжестей или по вытиранию многолетней пыли в помещении.

– Пусть все делает сам!

Мы смеялись, называли это ссылкой в каторжные работы. Иногда подходили с улицы к маленькому окошечку, в которое проникал свет в подвал, и беседовали с «несчастненьким каторжником».

Но Гофман не падал духом, и на каторге занимался часто своими делами или просто читал роман. А так как Восленский иногда подкрадывался, чтобы внезапно проверить, чем занимается Гофман, то последний устроил сложную акустическую сигнализацию, заблаговременно предупреждавшую о приходе Восленского.

Затем настала моя очередь. В верхнем этаже надо мной лопнула канализационная труба. Зловонная жидкость стала широко разливаться, и в трех комнатах моей квартиры стало невозможно жить. Восленский категорически запретил производить ремонт. Пришлось половину квартиры очистить и запереть на ключ.

Всего этого супругам Восленским казалось мало. Великим постом 1913 года он сам поехал в Петербург. Его приверженцы говорили, что он поехал настаивать о моем переводе «для пользы службы», в качестве компенсации за удаление Лека.

Через неделю он возвратился с невеселым лицом. Из кругов, к нему близких, передавали: – Управляющий съездил в Петербург неудачно!

В апреле праздновалось столетие Государственного банка. В программе стоял торжественный обед на казенный счет. Я ожидал, что, когда перепьются, будут скандалы между двумя партиями. Действительно, на обеде очень быстро стали упиваться водкой. Опьянел и Восленский.

После первого же блюда я встал и ушел домой. Понемногу поуходили и придерживавшиеся меня.

Опьяневший Восленский сначала все говорил речи о том, что в банке все они – мелкие чиновники, а без них начальство ничего сделать не может. Что было потом, об этом и не рассказывалось: более или менее нейтральные только головой качали...

Заключение

Вся эта напряженная обстановка, длившаяся десять месяцев, в конце истрепала мне нервы, и я заболел нервным ударом.

Продолжать службу в таких условиях смысла не было. Мое «временное» пребывание контролером зависело от того, когда управляющий отделением удостоверит, что я готов к занятию должности управляющего. Но какого же отзыва можно было ждать от Восленского... Всякое дальнейшее пребывание здесь только служило мне во вред.

Поэтому мы с женой решили уезжать из Муром – все равно куда, хотя бы с выходом в отставку. Но так продолжать – значило бы довести себя до настоящего удара, от которого уж не оправишься.

Я написал в Петербург, приложив медицинское свидетельство, что продолжать службу с Восленским не могу, а потому прошу перевести меня, куда будет угодно.

Шаховской рассказывал, что Коншин положил на моем рапорте резолюцию:

– Надо их развести!

Пока что мы стали ликвидировать свои муромские дела и распродавать имущество. Чего не продали сами, оставили ликвидировать Гофманам.

С Восленским расстались более чем сухо. Но с Муромом расстались с величайшим удовольствием.

Нас провожали знакомые и сослуживцы, понаносившие вороха цветов и конфет, – я уезжал со старшей дочерью Людмилой. В результате вышел анекдот.

Пассажиры в вагоне сочли это за проводы молодоженов и жалели мою дочь:

– Такая молодая, а муж – уже пожилой!

Мы устроились с дочерью недурно в купе, но ночью стали вторгаться пассажиры. Не хотелось расставаться с комфортом.

– Давай, – говорю дочери, – притворимся, будто ты – сумасшедшая, а я тебя сопровождаю.

– Идет!

– Господа, вам уступить диван? Пожалуйста, но только я предупреждаю, что там лежит душевнобольная, а я ее сопровождаю.

Пассажиры шарахаются в сторону. Но одна пара уселась прочно.

– Это ничего! – заявляет мужчина.

– Как угодно! Мое дело вас предупредить. Буйные припадки начинаются у нее к рассвету.

Уселись, едем. Молодая дама все косится на дочь. Слышу шепот:

– Володя, давай лучше пройдем.

– Ну, чего ты?

– Нет, уйдем. Я не могу!

Мы снова одни. Но по вагону распространилось:

– Сумасшедшую везут! Такая еще молодая...

Выспались отлично. Утром в Москве, в уборной, пассажиры шарахались от дочери, видя ее на свободе. Но нам было весело, – ведь расстались с Муромом. Теперь – в Петербург.

Коншин говорит:

– Я вас хочу перевести в Тверь. Там управляющий – такой хороший степенный хохол, Токарский. С ним вам будет служить хорошо!

– Спасибо! Согласен.

В Муромском отделении этот перевод, являвшийся все же некоторым повышением, вызвал разговоры:

– В таком случае и Восленскому надо дать повышение.

После нескольких месяцев моей новой службы в Твери Токарский получил от Восленского письмо:

– Какие у вас отношения со Стратоновым? Впрочем, и спрашивать нечего: конечно, скандалы с ним уже происходят.

И он выворачивает целый ворох инсинуаций.

Токарский прочитал и свой ответ:

– Со Стратоновым никаких неприятностей у меня не было. Ручаюсь, что их не будет и в дальнейшем.

3. Мозаика

Кузьма Прутков

Уже упоминалось о составе моих муромских сослуживцев. В большинстве – безотрадная некультурность и моральная неряшливость. Коробила и действительная неряшливость.

Не мог я переносить, что за барьером, где публика не видит, каждый день заводится свинство: весь пол около конторок забросан окурками, порванными бумажками и всем мусором, которым место в сорных корзинах, стоявших, однако, пустыми.

Как бы это вывести? Обращаюсь во всеуслышание к одному из чиновников, что постарше:

– Читали ли вы когда-нибудь Кузьму Пруткова?

Смутился:

– Кузьму Пру-пруткова. Да... Нет... Не помню... Да, читал!

Он это имя услышал впервые.

– Если читали, так помните значит, что он говорит о чиновниках, которые сорят вокруг себя?

– Нет... Не помню!

Вокруг нас столпились все чиновники.

– Он говорит: «Чиновник, сорящий вокруг себя, подобен ребенку, пачкающему на себя в люльке!»

Авторы Кузьмы Пруткова, верно, не ожидали, что этим именем так придется злоупотребить. Но моя импровизация помогла. Перестали сорить, и корзины наполнялись.

Эту же шутку, и всегда с успешным результатом, я повторял впоследствии в Государственном банке и в Твери, и в Ржеве. Никто не сознался, что не знаком с Кузьмою Прутковым.

А. Г. Васильковский

Общение с моей семьей произвело на некоторых сослуживцев громадное впечатление. Они, вероятно, впервые попали в дом, где существуют и другие интересы, кроме карт и водки, и где ко всем одинаковое отношение. Они очень привязались к нам и не только, когда могли, приходили к нам в Муроме, но и по переезде в Тверь часто наезжали, без приглашения, целыми кучами, так что даже стесняли, потому что приезжали на несколько дней и с ночлегом.

Одним из самых усердных посетителей был А. Г. Васильковский. В прежнее время – офицер, он теперь служил инспектором мелкого кредита.

Он был, однако, не вполне нормальный и, как оказалось впоследствии, зараженный социал-демократизмом.

Васильковский был вдовцом и имел детей. Но, пристроив их у родных, надумал опять жениться. Однако:

– Женщины нашего круга слишком испорчены!

Решил избрать себе жену из простого слоя. Высмотрел девицу, сестру местного столяра. Пришел к брату:

– Хочу жениться на вашей сестре!

Посмотрел, подумал столяр... Жених как будто подходящий: был офицером, теперь чиновник, жалование вполне достаточное. Спрашивает сестру:

– А ты как?

Потупила, как полагается, глаза.

– Я что же... Я согласна.

Дал согласие и брат.

– Только, – торопит Васильковский, – я хотел бы свадьбу поскорее, недели через две.

– Ты можешь? – спрашивает столяр сестру.

Невеста покраснела:

– Я... могу.

Сыграли свадьбу – только в среде «неиспорченного» народа. Родился ребенок.

Увы, несоответствие супругов быстро дало о себе знать. Женщина она была и неплохая, но общих интересов и общего языка стало слишком мало. Васильковский сильно скучал дома, хотя и старался в себе это подавлять. Как-то я пригласил его зайти. Ему в нашей «испорченной» среде так понравилось, что он стал бывать постоянно и без приглашений.

Однако о жене никогда не упоминал. Как будто ее и вовсе не существует.

В общем Васильковский был симпатичен, но бывало нехорошо, когда он опьянеет, а это случалось нередко. Он был несомненным чудаком; например, мечтал:

– Как было бы хорошо, если б мы расходились со службы из банка под звуки военного оркестра.

Жена его произвела на свет второго ребенка и при этом сама умерла. Васильковский остался вдовцом с двумя малыми детьми на руках. Положение было трагичным, но ему удалось опять пристроить детей у родных второй жены.

Когда он наезжал к нам в Тверь, все резче стала выявляться его ненормальность. Мы начали опасаться его посещений и прекратили приглашать. Васильковский это заметил и перестал приезжать.

Вскоре получилось известие, что он снова женился – на маленькой горбунье, служившей в кондитерской. Кажется, и третья жена вскоре умерла и также от родов.

Началась война, и этого больного человека призвали на военную службу... Потом начался большевизм, к которому Васильковский воспылил симпатиями. При революцион-

ном хаосе в Муромском отделении чиновники и сторожа сами выбирали себе управляющего. Избран был на этот пост Васильковский, и он пошел на это...

Пышкин и Емельянов

Это были два друга, хотя и сильно между собою различались. Оба были бухгалтерскими чиновниками.

Борис Михайлович Пышкин тогда был скромным молодым человеком, очень заботившимся о самообразовании и чрезвычайно религиозным. Главные его интересы сосредоточивались около церкви, и он с гордостью и удовольствием нес в одной из них обязанности помощника старосты.

Жил он со старушкой матерью и все время раздумывал и советовался с друзьями по вопросу о том, жениться ли ему или нет на одной муромской бойкой и интересной девице, которая, за отсутствием более видных женихов, не прочь была выйти и за банкового чиновника. Все же не решился.

Из-за принадлежности к «партии контролеров» Пышкин по службе подвергался со стороны Восленского репрессиям и лишениям. Он их мужественно сносил, лязгая лишь, по своей привычке, в трудные минуты зубами.

Вскоре после моего ухода из Мурома был назначен управляющим Екатеринославским отделением банка А. А. Петров. Он спас от преследований Восленского одного за другим и Гофмана, и Пышкина, взяв их к себе в Екатеринослав.

Когда же я управлял Ржевским отделением и у меня освободилось место секретаря, я взял на эту должность Пышкина, чтобы вознаградить его за то, что он потерпел в свое время из-за симпатий ко мне.

К этому времени он уже женился и заявил мне:

– Жена мне попалась хорошая!

Секретарь из него вышел посредственный. Когда же начался большевизм и в банк был назначен комиссар, Б. М. Пышкин стал малодушествовать...

Иван Федорович Емельянов – молодой человек из местных крестьян. Происхождения, как тогда бывало, не стыдился и к родителям относился хорошо. Он также заботился о самообразовании, но любил этим похвалиться, почему часто бывал смешным, особенно в обществе.

– Иван Федорович, не хотите ли чаю?

– Если для вас не составит затруднения привести в физическое действие ваши мышцы, то пожалуйста!

Когда придет в дом:

– Как ваше физическое и душевное самочувствие?

Любил со мною гулять и делился истинами:

– Каменные дома лучше деревянных!

– Летом тепло, а потому лучше, чем зимою!

Слышал он, что за ужинами говорят тосты, но не разобрался, в чем собственно дело, а захотел щегольнуть. Под новый год у нас за большим ужином потребовал слова:

– Марья Николаевна – украшение наших мест!

И сел, не обращаясь к стакану.

Все недоумевающе переглядываются. Но он снова встал:

– Всеволод Викторович – ореол здешнего общества!

Опять садится.

Емельянов надумал с моей помощью сделать карьеру, а для этого решил поддерживать близкие отношения. Время от времени мы получали от него телеграмму: «Приеду в такой-то день».

Приезжал и жил день или два, хотя мы его вовсе не приглашали. Так длилось года три, и наскучил он нам изрядно.

После моего назначения управляющим он снова приехал в Ржев. Очевидно, напрашивался на службу ко мне, но своей надоедливой тактикой добился как раз обратного.

Чтобы убить время с ним, решил предложить ему погулять:

– Не хотите ли, Иван Федорович...

Прерывает:

– Перейти к вам в банк?

– Нет, пойти погулять!

После этого он перестал приезжать, понял.

Скорпион

Это был банковый чиновник, но уже в отставке. Имел небольшой домик и получал пенсию.

Ко мне попал, наприсившись на посещение, в качестве любителя астрономии. Из беседы выяснилось, что астрономия лишь предлог, о котором он имеет слишком смутное понятие. Его интересовала не астрономия, а провинциальные обличения и пересуды.

Почва для общения была неблагоприятная, и он понемногу перестал бывать.

Ядовитый это был человек – забыл уж его фамилию³. Я прозвал его поэтому Скорпионом. К своим врагам бывал прямо безжалостен, а врагов в глухой провинции было сколько угодно.

Стал Скорпион издавать, одну за другой, книжонки своих сатирически-обличительных стихотворений⁴. Стихом он владел, хотя техника была и слабовата. Но недостаток таланта и техники возмещались великой злобой.

Его книжки едва ли окупались материально, но успех скандала имели несомненный, и Скорпион торжествовал. Обрисовываемых он не называл по фамилиям, но высмеивал их с такими деталями, что догадаться о жертвах – труда не составляло.

У одного из муромских богатеев покончила с собой дочь, девушка. Скрыга отец был не без вины в этой смерти благодаря домашнему режиму.

Скорпион на него и наслел. Чего он только не нагородил, воспевая в целой поэме эту трагическую историю! Вдребезги разбивал отца. Описывал фантастические сцены, как гроб дочери, без погребения, носится по воздуху и не дает своими разоблачениями покоя скрыге отцу.

Весь Муром занимался этой поэмой, и богатей не мог носа высунуть, чтобы не встретить на лицах усмешек. Он не знал, что делать. Сначала стал скупать книжки, но Скорпион этому только радовался, обещая тотчас же выпустить второе издание.

³ По-видимому, имеется в виду А. А. Барсов (возможно, псевдоним).

⁴ См.: Барсов А. А. Скорбные мотивы: (очерки из провинциальной жизни): (в стихах). Муром, 1913; *Он же*. Игривые мотивы: бытовые картины: (из провинциальной жизни): (в стихах). Муром, 1913; *Он же*. Минувшие радости и скорби: (очерки проявлений божеской любви к людям): (в стихах). Муром, 1913; *Он же*. Семейный смех и его польза: (25 басен); Царь Топило: (русская сказка периода 1860–1911 гг.); Наши кумушки: (бытовая картина с натуры). Муром, 1913.

В Твери коптение

*Когда б ни я, – коптел бы ты в Твери!*⁵

А. С. Грибоедов

1. Служебные воспоминания

Тверь

Тверь произвела хорошее впечатление, особенно – после Муром. Город, тогда около восьмидесяти тысяч населения. Почти одну треть составляло население громадной мануфактурной фабрики, известной Морозовской мануфактуры⁶.

Это богатое предприятие играло большую роль в городе. Там было и много интеллигенции – инженеров и их семейств, много относительно богатых людей, например, специалистов-англичан, оплачивавшихся особенно хорошо. Немалое значение имела и сплоченная масса рабочих – около 15–20 тысяч человек. Мануфактура как бы являлась особым городом, с большим числом крупных фабричных корпусов, своим театром и пр.; между прочим, в ту пору она имела даже свою любительскую астрономическую обсерваторию. Ее семидюймовый рефрактор был подарен затем Московскому обществу любителей астрономии и долгое время находился для научной работы в Кучинском отделении созданной мною в Москве Главной астрофизической обсерватории.

Город производил впечатление своей интеллигентностью, что, пожалуй, не было и удивительным при его промежуточном положении между двумя столицами. Но эти столицы вытягивали из Тверской губернии все наиболее талантливое. Известно, что в истории «освободительного» движения в России Тверь и Тверская губерния сыграли роль, которую не вычеркнешь.

Были в Твери и остатки старины, например, знаменитый Отроч монастырь, у впадения Тверцы в Волгу. Здесь, между прочим, в подвальном этаже показывалась сырая и полутемная келья, в которой при Иоанне Грозном был замучен Скуратовым противник царя – патриарх Гермоген⁷. Очень чтилась в Твери до последнего времени память великого князя Михаила Тверского, боровшегося с Москвой.

Старое шоссе, ведущее из Петербурга в Москву, давно уже утратило свое громадное, до проведения Николаевской железной дороги, значение, но оно еще поддерживалось. Одним из стоявших на перепутье дворцов был Тверской. Раньше – резиденция для отдыха высоких особ, он был в то время предоставлен тверскому губернатору.

Главным украшением города являлась, конечно, Волга, здесь довольно уже широкая и судоходная. Вдоль берега шел бульвар, главное место для прогулок горожан. Прекрасен бывал вид во время ледохода, когда ледяные глыбы, громоздясь одна на другую, зубчатым ледяным полем с грохотом неслись мимо города. Потом на далекое расстояние прибрежные

⁵ Правильно: «И будь не я, коптел бы ты в Твери» – слова Фамусова, обращенные к Молчалину в «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

⁶ Имеется в виду «Товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий», учрежденное в 1859 г., которым владел купец Иван Абрамович Морозов (1877–1921).

⁷ Правильно: Филипп II (в миру Федор Степанович Колычёв; 1507–1569) – митрополит Московский и всея Руси в 1566–1568 гг., лишенный сана и сосланный в Тверь, где был убит.

части заливались водой. Покрывалось водой и подножье находившегося на противоположном от центральной части города берегу Волги Отроча монастыря.

П. С. Токарский

Банк, в котором судьба заставила меня провести довольно долгий срок, был старым и очень тесным зданием, на углу Миллионной улицы и сквера. Теснота здания была удручающая. Воздух после операционного дня становился спертым и напитанным пылью. В такой атмосфере приходилось проводить целый день, почти всегда до пяти-шести часов вечера. И это, в связи с неприятными служебными обязанностями, сильно расстраивало нервную систему.

Неудобства нашего здания были давно осознаны, и уже строилось новое, большое двухэтажное здание, на восьмигранной площади, пересекавшей главную – Миллионную – улицу.

Управлял этим отделением банка Петр Семенович Токарский, небольшого роста, но большеголовый хохол. Узкие хитрые глаза и длинная, во всю грудь, черная с проседью борода. И лицо у него почти все заросло. Как раз в это время привлек к себе внимание новый роман Конан Дойля – «Затерянный мир»⁸. Герой романа профессор Челленджер, которого в затерянном мире обезьяны, благодаря богатой растительности на лице и теле, принимают за своего, судя по описанию автора и иллюстрациям в книге, очень походил на Токарского. Мы так последнего в своем кругу и прозвали – Челленджером.

Человек безусловно порядочный, он не был слишком умен, но возмещал это совершенно исключительной хитростью. Когда-то был в университете, но от пребывания в нем в Токарском мало оставалось следов. Он был затем офицером-артиллеристом в Севастополе, и эта служба отпечаталась на нем уже неизгладимо. Перейдя затем в Государственный банк, он сумел дослужиться до управляющего отделением и считал себя поэтому сделавшим необыкновенную карьеру, которая, по его мнению, могла бы всем служить образцом. Он поэтому, как будто, сам был подавлен величием своей особы.

Петра Семеновича подчиненные любили – за его обходительность и за заботливость об их служебном движении. За очень редкими исключениями, он не брал служащих со стороны, а продвигал своих же, и этим все они были, конечно, довольны.

Характернейшим свойством Токарского была необыкновенная говорливость. Как истый хохол, он был ленив, но любил заменять дело разговорами. С кем ему говорить – не так и важно, лишь бы его слушали.

Пока все другие еще работали, он рано уходил пообедать, затем выспался часа два, а вечером приходил в банк, где во время вечерних занятий чиновники усердно щелкали на счетах. В ситцевой рубашке, перепоясанной шнурком, в туфлях, с растрепавшеюся на всю грудь бородой, он блаженно улыбался и отыскивал, с кем бы ему побольше поговорить. Впрочем, разливался все время он сам, а собеседнику только изредка позволял вставить реплику. Эта доступность начальства подчиненным нравилась.

Полтавский помещик, П. С. все время мечтал о переселении в родной город. Постепенно он прикупал к своей земле соседние участки, и его имение росло. Незадолго до революции счастье ему улыбнулось: открылась для него вакансия в Полтаве, и П. С. на нее попал. Увы, большевизм заставил его бежать и утратить завоеванный трудами всей жизни рай.

Токарский был обильно награжден детьми, их было что-то семь, кажется, душ. Но на это обилие он не жаловался:

– Своя ноша не тяжела.

⁸ Роман был опубликован в 1912 г., и в том же году перевод на русский язык напечатан в журнале «Вестник иностранной литературы» (№ 7–12), в 1913 г. появились переводы в журналах «Новое слово» (№ 1–2) и «Мир приключений» (№ 7–11), а также отдельное издание (СПб.).

Мы с ним проработали почти три года – в общем дружно, но все же не без некоторых шероховатостей. Я никак не мог удовлетворить его спроса в отношении своего первого помощника и заместителя – быть бесцветным человеком, не имеющим своего мнения. В коллегиальных заседаниях П. С. это плохо переносил: искренне убежденный в своем величии, он ждал от сослуживцев только поддакивания себе. Инакомыслие было для него неприемлемо.

Меня же он изводил своей говорливостью. Иногда в коллегиальном заседании, где он председательствует, все можно было бы покончить в полчаса – и так действительно бывало, когда я его заменял, – а Токарский затягивает заседание на три-четыре часа. Сначала он многогоречиво доказывает правильность одного взгляда. Потом, как будто поколебавшись, он начинает приводить свои сомнения. Затем, делая вид, будто он сам себя разубедил, П. С. начинает критиковать свои первоначальные соображения и отстаивать новые, хотя никто их и не оспаривает.

– Петр Семенович, для чего вы так затягиваете заседание по совершенно ясным вопросам?

Прищуривает глаза в щелку:

– Вы ведь видите же, Всеволод Викторович, что у нас слишком мало дела... Это может броситься в глаза. А вот когда мы так затянем обсуждение, получается впечатление, что дела у нас много.

Он ошибался, его тактику все остальные разгадывали. Для меня же, который свободное от службы время посвящал научно-литературной работе, такое бесплодное растрачивание двух-трех вечеров в неделю на бесконечное журчание Токарского ручейком – действовало удручающе.

В строительной комиссии

Все это, однако, было бы мелочами, и мы с Токарским всегда ладили бы, если бы не особая его слабость.

П. С. давно уже возлюбил некоего молодого ловкача – Василия Кузьмича Жарова. Он сделал Жарова постоянным своим секретарем и возил его, при перемене службы, из города в город. Жаров как-то сумел околдовать немудрого Токарского, и последний слепо ему доверял, а Жаров играл на его настроении, как на скрипке.

Формально Жаров являлся одним из моих помощников, но Токарский не уступал его никому, а держал в своем личном распоряжении.

Уже по самой внешности Жаров был неприятен: откормленный, просто жирный, с заплывшим лицом и узкими, точно смотревшими из подушек сала, но вместе с тем нахальными, глазами. Чиновники банка полностью учитывали влияние Жарова на управляющего, очень в нем заискивали и действительно обделывали через Жарова свои служебные дела.

По приезду в Тверь я застал в действии строительную комиссию по постройке нового здания банка и должен был войти в ее состав. В комиссии участвовало еще несколько членов учетного комитета из местного купечества и управляющий местной контрольной палатой Козлов. Строил дом еврей подрядчик Гольдберг; стены дома уже были к тому времени выведены. Фактически же все делопроизводство по комиссии вел Жаров, а Токарский все подписывал, что тот ему ни подавал.

Очень скоро я увидел, что Жаров находится в стачке с евреем подрядчиком. Конечно, это замечалось и другими, но из деликатности относительно Токарского, который слепо поддерживал Жарова, об этом громко не говорилось. С Козловым мы глазами понимали друг друга и всегда обоюдно поддерживали свои выступления. Купцы же, вероятно, рассуждали так: это их дело – банковских деятелей, а нам, людям посторонним, не стоит из-за этого ссориться с управ-

ляющим банком. По крайней мере, в случаях, когда я председательствовал вместо Токарского, вся комиссия меня поддерживала в борьбе с хищениями.

Солидарность Жарова с подрядчиком проявлялась разными путями, но чаще всего в следующем. Строительная комиссия рассматривала счета подрядчика, утверждала их, и после этого деньги выплачивались Гольдбергу. Токарский же допускал такой порядок: несколько счетов рассматривалось на заседании, а затем Токарский просил всех подписать протокол с пустым местом для перечня утвержденных счетов:

– Счета, – говорил он, – после впишет секретарь!

Кряхтели, но из деликатности подписывали.

Жаров потом вписывал в протокол, но не только рассмотренные и утвержденные счета, а также и вовсе не рассматривавшиеся и весьма подозрительные. Однако, раз Жаров записал в протокол счета, Токарский, ничего более не проверяя, распоряжался выдавать по ним деньги подрядчику.

Я как-то произвел проверку и изловил Жарова на том, что к четырем утвержденным он приписал пять не рассмотренных счетов. Но протестовать было бесполезно: Токарский головой стал бы за своего любимца, объясняя это простой опиской, а в результате поплатился бы я своей будущностью. Неоспоримых же документов, которыми бы я вооружился, получить было нельзя.

Жаров видел, что я разгадал его роль в деле постройки. Для самозащиты он стал систематически настраивать против меня Токарского, дразня его самолюбие. Ему это иногда удавалось, и П. С., без всякой видимой для меня причины, раздражался и проявлял в отношении меня несвойственные ему вообще несдержанность и резкость.

Между прочим, когда Токарский на время уезжал и я становился председателем строительной комиссии, для Гольдберга и Жарова наступали трудные дни. Тогда открыто обнаруживалась и оформлялась недобросовестность постройки, угрозы обвала верхнего этажа, падения лестниц и пр. Строительная комиссия в ее целом действовала тогда смелее и решительнее. А строитель, архитектор Аристов, сам рассказывавший мне о попытке Гольдберга дать ему взятку, вел себя на два фронта: при мне был строг с подрядчиком, а при Токарском снова ему попустительствовал.

Но неожиданно я приобрел в этом деле поклонника в лице техника Василия Ивановича Подосенова, являвшегося на постройке помощником архитектора. Честный молодой человек, сам он был бессилен противостоять злоупотреблениям, но на него, как мне говорил Аристов, произвела большое впечатление моя решительность в этом случае. Через несколько лет завоеванное мною у него уважение принесло моей семье большую пользу.

В первые годы большевизма мы с семьей в Москве изрядно голодали. Случайно я встретил на улице Подосенова, о котором, собственно, уже и позабыл. Но В. И. сам напомнил о том, как ему понравилась моя деятельность по постройке, и предложил, как доказательство своего уважения, помочь нам. Он мог это сделать, так как служил на железной дороге и имел возможность свободно провозить съестные припасы из провинции в Москву. Почти на протяжении года он нам привозил главным образом муку, а также и разные другие продукты питания, и все это, разумеется, совершенно бескорыстно, только с оплатой фактической стоимости привозимого.

Сослуживцы

Состав служащих банка не был тогда блестящим, но, за исключением Жарова, все это были приличные люди.

Бухгалтером был Семен Васильевич Сукачев, в гимназии – товарищ по классу Токарского. Вытянутый последним к себе и притом с повышением – Сукачеву не удалось окончить

университета, – он был преисполнен благодарности к Токарскому и буквально смотрел ему в рот. Он ждал от П. С. и дальнейшей служебной помощи и не ошибся. Симпатий к себе Сукачев не внушал. Самолюбивый, хитрый и недалекий. Позже он стал контролером в Мелитополе.

Кассир Ю. И. Довнар-Запольский – приличный и корректный человек. Поляк по происхождению, культурный в обращении; страдал, пожалуй, некоторой слабохарактерностью в отношении подчиненных.

Непосредственный мой помощник Владимир Константинович Кудрявцев был также недалекий, но зато необыкновенно добросовестный человек. С ним я был совершенно спокоен: уж если что ему поручишь, так он из кожи лезет, чтобы наилучшим образом выполнить. Его скромность и, к сожалению, умственная небойкость не дали ему шансов на движение вперед.

И обо всех остальных служащих ничего, в сущности, плохого нельзя было бы сказать.

А. А. Червен-Водали

В учетном же комитете, пожалуй, наиболее обращал на себя внимание Александр Александрович Червен-Водали. Он, собственно, был в Твери нотариусом, но, вместе с тем, очень энергичным общественным деятелем. Деятельность в банке его опять-таки интересовала постольку, поскольку она расширяла сферу общественной деятельности. В этом смысле А. А. не пропускал для себя никаких возможностей, и, где только был случай, А. А. старался выступать. В смысле общественной деятельности рука об руку с ним шла его жена, Ольга Николаевна, весьма популярная в городе устроительница всяких благотворительных начинаний. Она особенно покровительствовала студентам и являлась редким образцом настоящей благотворительности – ради дела, а не только ради игранья роли.

Червен-Водали особенно выплыл на свет во время февральской революции. Среди общей растерянности он первым сумел взять палку в руки и стал поэтому капралом – тверским губернским комиссаром. Он разослал по губернии телеграммы о состоявшемся перевороте, о падении монархии и о требующемся признании временного правительства. Все ему подчинялись, и в течение нескольких месяцев он пользовался в Тверской губернии всей полнотой власти.

Но потом, как и везде, стало одолевать левое засилье, приобретали влияние местные совдепы, и Червен-Водали власть потерял.

После большевицкого переворота я встретил его в Москве. А. А. старался не быть на виду. Все же он принимал участие в моем начинании – создать интеллигентский кооператив книжного дела, под названием «Прометей», – начинании, не увенчавшемся успехом. Потом он исчез из виду.

Лишь впоследствии стало известно, что он проник в Сибирь, стал у адмирала Колчака министром внутренних дел и заместителем председателя совета министров. Но он попал в руки большевиков и был ими расстрелян.

Сабанин

На место Токарского был назначен управляющий Эриванским отделением Сабанин. Его приезду предшествовали неблагоприятные слухи, и служащие приуныли.

Действительно, с его приходом кончились патриархальные «хуторские» порядки, которые царили при Токарском. Сабанин был придирчив, а часто просто мелочен, доходя в этом отношении иной раз до бестактностей. Например, он в первое время заинтересовался подлаиванием меня, чтобы я ни на минуту не опаздывал приходом на службу, хотя я и вообще бывал всегда аккуратен. Если я, не живя в банке, приходил чуть-чуть позже времени, когда обычно шли открывать кладовую, я заставал Сабанина, демонстративно стоявшего с ключами

возле моего места. Видя, однако, что я на эти демонстрации не обращаю внимания, он их прекратил, а затем, наоборот, стал очень любезничать, оценив пользу для себя же моей помощи. Наши отношения были вполне приличными.

Впрочем, с ним я прослужил только недолго. Осенью 1916 года умер во Ржеве А. Д. Демуцкий. Как будто судьба указала мне быть его заместителем – во второй раз. Я написал Никитину, прося о назначении на его место. Просьба была скромная – в уездный город. Через короткий срок я был назначен управляющим Ржевским отделением банка, а в середине января следующего года уехал на место моей службы.

Кому пришлось от Сабанина, по крайней мере на первое время, туго, – это Жарову. Раскусивши его, отчасти и при моей помощи, Сабанин поставил зазнавшегося ловкача на должное место. Кончилась для кота масленица, но... не совсем.

Как только началась февральская революция и порядок повсюду стал разлагаться, Жаров решительно выступил вперед. Он взволновал сторожей и мелких служащих, и был избран председателем комитета служащих, то есть фактического органа власти в банке.

Теперь Жаров стал сводить счеты с Сабаниным за свое развенчание. Когда я впоследствии наезжал из Ржева в Тверь, Сабанин горько мне жаловался на революционную тактику Жарова. Последний понемногу и внешность уже приобретал большевицкую.

Коснулась революционная деморализация и чиновников, хотя и не всех. Прежний хороший служебный дух исчез из тверского банка.

2. В педагогическом мирке

Родительские комитеты

В Твери, как раньше и в Ржеве, я сторонился общественной деятельности. Но вполне ее избежать не пришлось.

Годы перед Великой войной были годами сильной еще правительственной реакции, в частности – и в Министерстве народного просвещения. Здесь реакция проявлялась, между прочим, в стеснении родителей выявлять в школе свои права посредством участия в родительских комитетах.

На основании действовавших законоположений родительские комитеты в теории существовали, но, чтобы парализовать вредное, как полагали в министерстве, общественное их значение, была установлена чрезвычайно высокая норма кворума для присутствия родителей в первом, организационном, собрании комитета – две трети общего их числа. Такой кворум достигался только в исключительных случаях, а потому в России нигде почти родительских комитетов не образовывалось; исключением был Кавказ, но там действовало совсем иное положение о родительских организациях.

Не могли по этой же причине ранее сформироваться родительские комитеты и в либеральной Твери, где тогда было четыре средних учебных заведения: две гимназии – мужская и женская, и два реальных училища – казенное, почему-то называвшееся правительственным, и городское.

В 1915 году, под влиянием военных неудач, повеяло новым духом – власть «повернулась лицом» к обществу. Отразилось это тотчас же и на тактике Министерства народного просвещения. В частности, при министре графе Игнатьеве был понижен и обязательный кворум для формирования родительского комитета.

Тотчас же пробудилась самодеятельность и в тверском обществе. Более энергичные родители, верившие в реальную пользу таких организаций, развили сильную агитацию за создание

родительских комитетов. В Твери моя дочь⁹ была в женской гимназии, а сын – в правительственном реальном училище; поэтому и я был привлечен на собрания.

На этот раз родительские комитеты без труда сформировались во всех четырех тверских средних школах. Совершенно неожиданно для себя я попал на роль председателя комитета в реальном училище. Меня упростили, зная, что я уже был продолжительное время председателем родительской организации в Тифлисе, рассчитывали на мой опыт, а мой настойчивый отказ успехом не увенчался.

Правительственное реальное училище

Состав родительского комитета подобрался у нас весьма симпатичный, работать с ним было одним удовольствием. Товарищем председателя был избран популярный в Твери общественный деятель инженер Морозовской мануфактуры Владимир Иванович Кофман. К сожалению, он вскоре скончался и был заменен А. В. Забелиным, членом окружного суда, также симпатичным человеком. Секретарем был очень милый земский врач – хирург Федор Михайлович Десслер. Это был чрезвычайно деятельный секретарь, вкладывавший в свои функции душу, как, впрочем, и во все, за что он брался. К несчастью, и его через год нам пришлось похоронить. Из других заслуживающих доброго воспоминания деятелей комитета вспоминаю господж Мусатову и Жемчужникову. Благодаря счастливому подбору личного состава работа у нас сразу пошла дружно и хорошо.

Но совершенно иначе было с педагогическим персоналом. Его отношение к нам было настороженное и скрыто недружелюбное. Это являлось, к сожалению, скорее правилом, чем исключением: в России повсюду педагоги в родительских организациях усматривали подрыв их авторитета и власти. Здесь я всячески старался рассеять недружелюбие и подозрительность педагогов, между прочим, применив ту меру, которая мне удавалась в Тифлисе: чтобы педагоги не подозревали нас в кознях, я пригласил весь состав педагогического совета во всякое время присутствовать, в качестве дорогих гостей, на каждом заседании родительского комитета. Мое приглашение произвело хорошее впечатление, лед треснул. Некоторые педагоги изредка к нам заходили, но вообще этим правилом мало пользовались. Постоянным участником наших заседаний был только директор Михаил Петрович Чижевский.

Наш директор и был главным источником недружелюбия. Типичный бюрократ, напоказ он был с родителями очень любезен, называл их детей не иначе, как «сыночек», но все это было деланным. На самом деле он был автократом до мозга костей, и участие родителей в делах школы претило всей его натуре. Либеральное веяние в министерстве заставило и его повернуть нос по ветру. Где только можно было сделать это безнаказанно, он вставлял нам палки в колеса и вообще все время держал против нас камень за пазухой, которым при случае, показавшемся ему подходящим, он и запустил в меня.

Его отношение очень сказывалось в заседаниях педагогического совета, на которых я участвовал, по правилам, на роли второго лица после директора. Чижевскому очень не нравилось, что я представляю собою в совете не бессловесную мебель, а человека с опытом педагога и с голосом. В пределах допустимого он боролся с моим влиянием.

Пренебрежительное отношение Чижевского к родителям сказывалось постоянно. Например, мы организовали для учеников дешевые завтраки, а бедным учащимся выдавали их бесплатно. Конечно, завтраки не окупались, но мы собирали для них средства между собой.

Наших дам, взявших на себя бескорыстно труд по подготовке и продаже завтраков, Чижевский не пустил в рекреационный зал, где собирались ученики на переменах, а отвел им место в вестибюле, в закоулке между ученическими шинелями. В рекреационном зале

⁹ Имеется в виду младшая дочь В. В. Стратонова – Тамара.

в то же время он предоставил торговать завтраками жене одного из служащих в училище. Такие поступки нас, конечно, задевали.

В первые месяцы существования комитета смягчающим фактором служил инспектор И. В. Владиславлев, словесник. Он был простой, хороший человек, преданный делу и пользовавшийся общими симпатиями. С нами сразу же установились у него искренние отношения, и родительский комитет относился к нему с большим уважением. К сожалению, через несколько месяцев он заболел и скончался, и мы были очень огорчены этой смертью.

Общий состав педагогов реального училища был мало колоритный. В большинстве случаев это были люди, ушедшие в себя, немного загнанные судьбой, работой и начальством. Одни стояли, как люди, повыше, другие – пониже, но общий уровень был сероватый.

Очень влиятельной, но неприятной фигурой был законоучитель, о. Павел Невский, яркий тип протоиерея чиновника. Большой реакционер, он не прочь был повредить доносом на религиозной почве. Такую провокационную попытку он сделал однажды в отношении меня как председателя, из-за того, что родительский комитет устроил общественный благотворительный вечер в пользу бедных учеников в предпраздничный день:

– Вместо того, чтобы дать возможность детям Богу молиться, вы их сманиваете танцевать! – начал он в совете лицемерную филиппику.

Я понял, что он хочет вызвать инцидент в совете; мой житейский опыт помог парализовать эту выходку.

Недурными преподавателями математики были Веригин и Федоров, особенно первый. Федоров больше занимался деланием карьеры, угождая на все стороны. Ему хотелось стать инспектором после смерти Владиславлева. Мы ему помогли, а после этого он уже с нами мало считался. Почему-то «светлою» личностью считался историк Павлов, – не знаю, почему именно.

Но более всех привлек к себе внимание, по крайней мере мое, преподаватель французского языка Камилл Иванович Фукс. Выходец из Швейцарии, он был очень плохим преподавателем, однако большим добряком. Фукс имел привычку бранить учеников в классе: «болван», «мерзавец», «негодяй»... Но так как в то же время за совсем плохие ответы он ставил сравнительно высокие баллы, ученики на его ругань не обижались.

Как-то я зашел посидеть на его урок. При мне он воздерживался, не бранил учеников, но повел урок как-то странно. Я видел, что ученики пожимают плечами, переглядываются, смеются... Потом мне объяснили, что происходило. Испугавшись, Фукс задавал вопросы и заставлял переводить не из текущего урока, а старое, что ученики, наверное, знали...

Одним из преподавателей – по законоведению – был местный присяжный поверенный Москалев. Мы ожидали, что в силу своей профессии он ближе подойдет к родителям, чем остальные педагоги. На самом же деле он держал себя реакционнее других, постоянно вступая в совете со мною в бой. Так как, к сожалению, он не очень блистал умом, то постоянно проигрывал и злился на это.

Совет председателей

Нам казалось полезным координировать учебно-воспитательную тактику в Твери, и мы с коллегами решили сформировать постоянный орган – совещание председателей родительских комитетов и директоров учебных заведений.

Мы, председатели, пошли на это дело с открытой душой. Первую скрипку играл избранный нами возглавлять совещание представлявший комитет мужской гимназии А. (фамилию забыл¹⁰), председатель Тверского окружного суда. Человек он был одаренный, живой, но

¹⁰ Имеется в виду Александр Александрович Добряков.

являлся, вместе с тем, типом либеральничающего бюрократа. Позже его совсем сбила с пути февральская революция. Увлеченный быстрой карьерой Керенского, он надумал его повторять в Твери: стал пожимать руки сторожам и швейцарам, являлся незваный на разные митинги, выступал на них с революционными речами... Увы, это ему не удалось, слишком видным начальством был он перед этим в той же Твери. Потом он как-то бесславно завял.

Живой, кипучей натурой был председатель комитета городского реального училища лесной ревизор Ф. (не помню фамилии), но его кипучесть мало давала практических результатов. Председатель же комитета женской гимназии ветеринарный инспектор Иванов был вялой фигурой.

Иначе, чем мы, отнеслись к делу наши партнеры – директора учебных заведений. Они сдались перед веянием времени, но и только. Откровеннее других был в этом случае М. П. Чижевский. Он иногда заходил, молчал и всей фигурой своей показывал, что он этой либеральной затее не одобряет. С большим интересом относился к совещанию директор мужской гимназии П. П. Чернышев, во всех отношениях – генерал. В нем все же было больше человеческой души, чем в Чижевском. Директор же женской гимназии В. Ф. Богачев, самоуверенный филолог, был все же деловым и способным человеком; столкнуться с ним было возможно.

Зато особенно неприятной фигурой был также почему-то вошедший в наше совещание директор народных училищ Н. Д. Никольский. Тупой педагог-бюрократ, он больше всего в нашем совещании интересовался тем, как бы захватить побольше для себя роли, с которой, впрочем, он не мог справиться. Когда же началось революционное брожение, Никольский жаловался на нашем совещании:

– Мы все просмотрели! Существуют, оказывается, какие-то эсеры, меньшевики, большевики... А мы о них ничего и не слышали.

Перед революцией было немало таких неосведомленных государственных деятелей.

Потом, как говорили, Никольский освоился с тем, что такое большевизм, и даже недурно пристроился, при советской власти, в Тверском отделе народного образования.

Наше совещание сначала не казалось достаточно жизненным; инициатива внесения вопросов должна была бы исходить от педагогов, а они ее не проявляли. Но мы вдохнули в него жизнь созданием в Твери общества для попечения и содействия учащейся молодежи. Это начинание поначалу имело успех, в него сразу же записалось около шестисот членов. Мы знали, что в Рязани создан для молодежи клуб с разумными развлечениями. Тверь не должна была отставать, и мы начали подготовку к созданию такого же клуба. А пока – устраивали для учащихся кинематографические сеансы с подходящей программой.

Как и все русские начинания, общество сперва принялось за свое дело горячо. Затем энергия начала убывать, а революция и большевики прикончили это начинание.

Борьба

Осенью 1916 года начались вторые выборы в родительские комитеты, теперь уже при значительном количестве заинтересовавшихся родителей.

Лично со мною возникло курьезное затруднение: меня избрали председателем два учебных заведения – женская гимназия и реальное училище. Я не смог бросить реальное училище, где к тому ж я был избран единогласно. Собрание родителей женской гимназии просило меня совмещать обе обязанности, но это было бы и трудно, и едва ли формально удобно. Весьма обиженный поначалу Иванов был переизбран тогда в женской гимназии.

В этом году, однако, мирные до сих пор отношения между родителями и педагогической коллегией стали заостряться.

Дело возникло из-за К. И. Фукса. Нас возмущала привычка его бранить учеников, мы считали это глубоко антивоспитательным.

Начал я деликатно: пошел в кабинет Чижевского и в доверительном разговоре просил его устранить эту манеру Фукса.

Чижевский не отрицал этого факта, но говорил, что не может переделать Фукса.

– Я и сам сознаю, что как учитель Фукс плох. Но я не могу найти лучше.

В своем ответе я указал, что такое непротивление злу нас не устраивает и мы все-таки просим устранить его манеру браниться.

Чижевский пожимал плечами, но ничего не пообещал. Было впечатление, что он шокирован нашим вмешательством не в свое, по его убеждению, дело.

Я выждал достаточное время. Фукс не переставал браниться. Тогда, в присутствии Чижевского, я открыто внес это дело в родительский комитет, причем указал на безрезультатность моего доверительного обращения к директору. Чижевский выступил с самозащитой и возражениями, но комитет меня поддержал. Я предложил, если комитет меня уполномочит, в дальнейшем повести эту борьбу единолично, в качестве председателя. Комитет на это меня единогласно уполномочил.

Снова я стал выжидать, но, очевидно, Чижевский, а может быть, и другие педагоги, не отнеслись к моему шагу достаточно серьезно; Фукс же ни в чем не изменил своей воспитательной тактики.

Престиж заставлял меня идти дальше: я отправил телеграмму попечителю Московского учебного округа с просьбой об устранении данного явления.

Эта мера очень не понравилась педагогам, разбудив в них товарищескую солидарность. Однако после этого Фукс стал сдерживаться.

Тем временем нам понадобилось созвать общее собрание родителей. Во время моего доклада я, естественно, должен был коснуться дела с Фуксом. Упомянув о принятых мною мерах, я сказал:

– Если заступиться за воспитательные интересы наших детей – грех, то последствия этого греха я полностью беру на свои плечи!

Меня прервали овацией, рукоплесканиями и криками:

– Благодарим вас!

Вскоре после этого мне уже надо было уезжать на новое служебное место в Ржев. Я пытался сложить с себя обязанности председателя, но это не удалось: комитет упросил меня числиться все время председателем, пока мой сын еще остается в реальном училище. Замещать же меня будет в это время товарищ председателя А. В. Забелин. Добрые наши отношения помешали мне настаивать на уходе.

По внешности с педагогическим персоналом я расстался по-хорошему. Чижевский и еще кое-кто из педагогов даже участвовали в группе, когда родительский комитет пожелал сфотографироваться со мною на прощание. Но это было лицемерием, и вслед за моим отъездом начались демонстрации.

На ближайшем уроке закона Божьего в классе, где был сын, – протоиерей Невский обращается к нему с вопросом:

– Твой отец уехал?

– Уехал.

Невский откинулся назад на спинку стула, выставил живот и с силою выпустил воздух:

– Уфф... Слава Богу!

Если это было мелочью, то хуже вышло с Фуксом. Вся работа с ним пошла насмарку. Сдерживавшийся в последнее время, он вдруг разговелся от долгого поста и стал вознаграждать себя усиленными ругательствами.

Обо всем это мне подробно рассказали и члены комитета, и отдельные родители, когда я перед Пасхой приехал к семье.

Это меня возмутило, да и престиж родительской организации не позволял отступать, тем более что о начавшихся по отношению к Фуксу наших воспитательных мерах было широко уже известно. Я отправил телеграмму министру народного просвещения, прося об урегулировании этого дела.

Телеграмма эта вызвала настоящий переполох и возымела серьезные последствия. События стали развиваться быстрее.

В конце мая я получил коллективную телеграмму от родительского комитета с энергичной просьбой приехать в Тверь.

Приехавши, узнал, что Чижевский и компания повели контрагитацию против родительского комитета и, в частности, против меня. Они теперь сами созвали общее собрание родителей, минуя родительский комитет. Это собрание должно было реагировать на мои телеграммы попечителю и министру.

Собрание было рассчитано на мое отсутствие, а мой неожиданный приезд спутал карты. Собралось несколько десятков родителей и между ними были типы, никогда на родительских собраниях не бывавшие, а, может быть, и в числе родителей не состоявшие. Двое из них были специально натасканы на производство нам скандала: какой-то почтовый чиновник и затем особа, похожая на кухарку. Ничего не бывшие в состоянии возразить формально, они занимались выкриками по поводу отправления телеграммы министру. Женщина, похожая на кухарку, все время взвизгивала:

– Зачем вы не спросили нашего согласия на посылку телеграммы!

Ясно, что эти выкрики были подсказаны. Сам же Чижевский выступил с речью, в которой высказал мне от имени педагогического совета «глубокое порицание» за нашу деятельность по комитету. Вместе с тем он доказывал в своей речи, что я получал ложную информацию о происходящем в училище ни от кого иного, как от своего сына.

Взвинченный в свою очередь, я резко возражал, особенно на объявление глубокого порицания председателю родительского комитета, точно ученику приговорительного класса. По поводу же обвинения моего сына в сообщении ложной информации, я сказал:

– Вместо того, чтобы заниматься сыском о том, откуда я получаю сведения, следовало бы... и т. д.

Страстно прошедшее собрание кончилось ничем: голоса разбились. От педагогического совета в поддержку Чижевского сильнее других выступал Москалев, при революции неожиданно ставший прокурором Тверского суда.

В июле получаю во Ржеве повестку от мирового судьи в Твери. Я вызываюсь в качестве обвиняемого – не сказано, кем именно. Не понимая, в чем дело, иду к присяжному поверенному И. Ф. Панкову. Оказывается, я обвиняюсь в клевете. Смутно догадываюсь, что здесь не без Чижевского.

Телеграфирую судье, что не могу вдруг бросить банк, прошу отложить дело, а кстати сообщить копию жалобы неизвестного мне обвинителя.

Из присланной копии усмотрел, что меня обвиняет Чижевский за то, что на собрании родителей, то есть в обстановке, где ему причиталось особое уважение, я обвинил его в занятии сыском. Главным свидетелем обвинения выступал прокурор Москалев.

На первом слушании дела судья огласил мою телеграмму. Чижевский запротестовал против отложения дела:

– И без того все ясно! Такой почтенный свидетель, как прокурор суда, показал же, как было дело.

Судья возразил:

– Стратонов ведь не уклоняется от явки! Он приводит совершенно веские доводы, почему не мог прибыть немедленно. К тому же он даже не знает, кто его обвиняет.

Разбор ограничился заслушанием свидетелей обвинения, и дело было отложено на двенадцать дней.

Я приехал в Тверь вместе с присяжным поверенным Панковым. Мне показали любопытную брошюру, в которой от имени педагогического совета и за подписями всех его членов высказывается мне обвинение за то, что я поссорил общество со школой. В то же время опять повторяется, что это мой сын поставлял мне ложные сведения о происходящем в училище.

Я решил привлечь в свою очередь за клевету против меня и моего сына Чижевского и весь состав педагогического совета, подписавший брошюру.

Провинциальная камера мирового судьи была пуста, никого из служащих. Только кот ходил по камере, подняв хвост, и уныло мяукал в надежде, не накормим ли мы его. Собравшиеся со мной все члены родительского комитета и двое родителей, мужественно пришедшие, рискуя неприятностями для своих детей, показывать против директора училища, ждали прихода хоть кого-нибудь из судебных деятелей. Во дворе Забелин беседовал с Чижевским, доказывая ему безнадежность выиграть это дело. Подошел кое-кто и из публики.

Наконец появился судья:

– Не пожелаете ли вы, господа, покончить дело примирением?

– Я согласен, – поспешил Чижевский, – если господин Стратонов возьмет свои слова назад и выразит в них сожаление.

– А вы, господин Стратонов?

– В глубоком сознании своей правоты я отказываюсь от предлагаемой мне господином Чижевским амнистии и прошу вас, господин судья, о рассмотрении дела.

Судья недоволен: приходится работать. Удаляются свидетели. Даю объяснения:

– Подтверждаю, что я произнес инкриминируемые мне слова. Но это не было общей характеристикой деятельности Чижевского, а было замечание, вырвавшееся у меня по совершенно конкретному поводу, – обвинению, сделанному публично, моего сына в том, будто он приносит мне ложные сведения.

Судья сочувственно кивает головой. Видит, что обвинение в клевете рушится.

– Конечно, это замечание было для господина Чижевского обидным. Но оно объяснялось тем состоянием раздражения, в которое я был приведен по вине Чижевского. Именно мне, председателю родительского комитета, а следовательно, представителю общества родителей, для обслуживания которого и существует реальное училище, на общем собрании родителей, то есть в обстановке, в которой мне причиталось особое уважение, директор училища позволил себе выразить, точно маленькому и подчиненному ему школьнику, глубокое порицание... Естественно было мое побуждение, и на нанесенную мне обиду я реагировал нанесением обиды также и обидчику.

Панков поддерживает мою мысль, доказывает, что ни о какой клевете нельзя и говорить, и обрушивается на Чижевского за то, что он защищал такого педагога, как Фукс.

Не ожидавший атаки Чижевский растерялся и недоумевает, что ему говорить.

Вызванный в качестве свидетеля первым А. В. Забелин очень горячо принимает мою сторону. Характеризует как деятеля, который в данном случае, во имя общественных интересов, ставил, как всем понятно, под удар интересы собственного сына.

– Такие люди редки, господин судья! – воскликнул Забелин.

Чижевский отвернулся и пожимал плечами.

Судья предлагает:

– Ввиду полной выясненности дела не согласны ли стороны отказаться от допроса остальных свидетелей?

Стороны соглашаются. Зала заполняется пришедшими из свидетельской комнаты.

Судья снова поднимает вопрос о примирении:

– Вы оба занимаете такое видное положение в губернии! Какое бы решение я ни вынес, вы все равно его обжалуете в высшую инстанцию – и один, и другой.

– Почему обжалую я? – восклицает Чижевский. – Ведь я вовсе не обвиняюсь!

– Нет, и на вас заявлена жалоба! Конечно, никакой клеветы со стороны господина Стратонова не было. Но обиды были взаимными.

– Кто же меня обвиняет и за что?

– Да вот же было заявлено, что вы объявили глубокое порицание председателю родительского комитета.

– Это не я, а педагогический совет!

– Однако вы ведь участвуете в педагогическом совете и занимаете в нем немалое место!

Чижевский беспомощно разводит руками и ссылается на свидетельство «такого почтенного лица, как господин Москалев».

Я парирую:

– Здесь в воздухе помахали авторитетом прокурора окружного суда...

Занялись выработкой формулы примирения.

Чижевский взял назад свое обвинение в клевете, а мы оба выразили обоюдно сожаление о допущенной на собрании резкости.

Чижевский вышел из суда разъяренный, ни с кем не прощаясь. А вслед за тем выяснилось, что он скрывал. Ему не прошла даром вся история с Фуксом. Он потерял директорское место и переехал в Москву простым преподавателем физики в Комиссаровское техническое училище.

Менее всего пострадал виновник заварившейся каши – К. И. Фукс. Его спас сначала развал школы и переход власти, по случаю революции, к корпорации педагогов, а затем и большевизм.

Удаление Чижевского, революционный развал школы и развивавшийся большевизм вызвали столько острых вопросов, что уже не стоило привлекать к суду весь педагогический совет.

3. Мозаика

Преступление

Наш родительский комитет устраивал в пользу бедных учеников благотворительный вечер. По местному обычаю кто-либо должен был в этом случае являться «ответственным распорядителем», им пришлось считаться мне.

В качестве аттракциона мы ввели «ключи счастья». Висели на ленточках двенадцать разных ключей и один замок. Заплативший 50 коп. имел право выбрать один из ключей и открыть им, если угадал ключ, замок. Отгадавший получал очередной выигрыш.

В числе пожертвований на эту лотерею была целая пачка открыток с портретами. Мы их разложили по 2–3 штуки в конвертах.

Видю, какая-то дама выиграла такой конверт. Рассмотрела открытки – и вдруг резко направилась к полицейскому приставу. О чем-то шепчутся.

Пристав становится каким-то серьезным, смотрит в нашу сторону. Потом медленными шагами направляется ко мне:

– Вы – ответственный распорядитель?

– Я.

– Прошу, отойдем в сторону!

Отходим. Пристав вынимает из кармана конверт с открытками.

– Потрудитесь объяснить, что это значит?

Пожимаю плечами.

– Открытки! Портреты.

– Да, я и сам вижу, что портреты. Но кто на них изображены-с?

– Покажите-ка! Вот это – Владимир Соловьев. Философ такой был. Вы не знаете? Очень известный. Ну, а это – да вот надпись: великая княгиня Елизавета Федоровна.

Это, действительно, была она, снятая в костюме сестры милосердия. Тогда были в большом распространении и портреты ее сестры, императрицы Александры Федоровны, также в костюме сестры.

– Вот что... – протянул пристав. – А я думал...

Он стоял с видом, точно проглотил что-то кислое.

– Что же такое вы думали?

– Совсем другое! – засмеялся пристав. – Впрочем, ничего!

И он поспешил стушеваться.

Трудно было удержаться от смеха. Ясно было, что он со своею дамой принял Соловьева, благодаря его шевелюре, за пресловутого Распутина, а великую княгиню – за ее сестру, императрицу.

В ту пору Распутин был на вершине своего могущества, и об его отношениях с царской семьей выливались ушаты грязи, в которые тогда иные верили. Очевидно, бедняга пристав решил нас изловить в злонамеренной комбинации портретов, и на этом, быть может, выказать служебное усердие.

Мы над этим случаем от души смеялись. Но потом я подумал, что – кто его знает... Мало ли чего полиция, в связи с этим, не доложит такого, что может повредить родительскому комитету. Поэтому, воспользовавшись необходимостью побывать, по случаю назначения в Ржев, у губернатора¹¹, я предупредил его об этом анекдоте раньше, чем могла сделать доклад полиция.

Жилища

По старым широким привычкам мы, небольшой семьей, заняли в Твери на Мироносицкой улице, в доме доктора Истомина, квартиру в семь комнат, хотя, в сущности, нам столько комнат и нужно не было. Но когда началась война и жить стало труднее, мы решили часть комнат отдавать внаймы.

На две комнаты, расположенные особняком в верхнем этаже, в которые вела лестница изнутри, заявила притязание пришедшая к жене какая-то пожилая дама.

– Я – жена моряка! Муж – капитан парохода на Балтийском море. Пароход реквизирован для военно-морских надобностей, а, чтобы не быть далеко от мужа, я решила пока прожить близ Петербурга, в Твери.

Жене она показалась приличной и скромной особой, а главное – достаточно пожилой, чтобы не заводить в квартире романов.

– Вот, посмотрите и мой паспорт!

Паспорт подтверждал ее слова: жена капитана, по фамилии Яковлева.

Переселилась Яковлева к нам и заполнила комнаты громаднейшими сундуками.

Скоро бросилось в глаза, что ведет она себя как-то странно. Комнаты всегда держит на запоре, под ключом, который уносит. Убирать комнаты позволяет прислуге только в своем присутствии, и при этом все ходит за женщиной нашей по пятам, не спуская с нее глаз. Все ее

¹¹ Пост тверского губернатора в 1906–1917 гг. занимал Н. Г. Бюнтинг.

поведение отдавало таинственностью. Иногда она приходила или спускалась от себя с какими-то узлами...

Сначала мы всему этому не придавали значения. Когда же прошел месяц, выяснилось, что она отказывается уплатить обусловленную плату за комнаты. Все сроки прошли, пришлось даже напоминать – без результата.

Не заплатила она за месяц и прислуге. Та пришла с жалобой. Мы посоветовали, пока жилища не заплатит, перестать ей прислуживать.

Так и было, но из-за этого начались форменные скандалы. Яковлева кричала, требуя услуг, врывалась в наши комнаты, угрожала... Чтобы выпроводить ее из собственных комнат, приходилось доходить чуть ли не до рукопашной.

Так жить стало невозможно. Я предложил ей уйти из квартиры.

Она только расхохоталась:

– И не подумаю! Теперь, по законам военного времени, никому нельзя отказывать от квартиры.

Она была права. Можно было, конечно, с нею судиться из-за того, что она не платит, но, пока суд вынесет свое решение, пройдет много времени. Жить же стало из-за нее совсем невозможно, хоть самим уходить из квартиры. Почти каждый день она устраивает скандалы, и я особенно боялся ее скандалов в мое отсутствие из дому, когда мягкая и деликатная жена могла стать ее жертвой.

Подходило Рождество 1916 года, а настроение было не то что праздничное, а точно в осажденном городе, где каждый день надо отражать приступы.

Обращаюсь еще раз к ней:

– Еще раз прошу вас: уходите от нас по-хорошему!

– А я не уйду! И вы ничего со мной не поделаете.

– Не уйдете? В таком случае я возбужу против вас дело о хулиганстве.

Перед этим временем как раз вышел новый закон о борьбе с хулиганством, так как это последнее, в обстановке военного времени, слишком развилось. Борьба с хулиганством могла вестись административными, а не судебными методами, и в этом для нас был некоторый шанс.

Яковлева расхохоталась мне в лицо:

– Я – сама юрист! Закон о хулиганстве здесь применить нельзя.

Чтобы обеспечить себя документом, я ей опять написал просьбу об оставлении квартиры и просил ответить о своем решении.

На этот раз она меня недооценила, считала слишком большим простаком. Ответила, что, пожалуй, она согласна уйти от нас, но при соблюдении мною следующих условий: я должен оплатить ее расходы как на вселение к нам, так и на переезд от нас на новую квартиру; должен ей оплатить стоимость ее шелкового платья и еще какой-то одежды, которую она порвала о будто бы вбитый где-то мною гвоздь; должен оплатить ей стоимость ее лечения, потому что обманул ее: сдал комнаты как будто бы сухие, а на самом деле они – сырые, и она испортила себе здоровье. И еще за что-то – уж теперь не помню – я должен был заплатить. Если же я всего этого не сделаю – угрожала она в заключение, – Яковлева подаст на меня жалобу в суд с требованием о присуждении меня пожизненно ее содержать, так как по моей вине, благодаря сдаче сырой квартиры, она утратила свою работоспособность.

Обрадовала она меня этим документом. Отправляюсь за помощью к тверскому полицеймейстеру полковнику Михайлову. Рассказываю все дело.

Михайлов развел руками:

– Ничего нельзя поделать! Сейчас, благодаря военному времени, полиция в таких случаях бессильна.

– А если воспользоваться законом о хулиганстве?

Он подумал.

– А знаете, – это, пожалуй, подойдет. Хорошо, я пришлю пристава для расследования дела. А там посмотрим!

Через день приходит помощник пристава.

Жилица при виде его так и вскипела:

– Мне некогда заниматься разговорами с полицией! Я сейчас должна уходить.

– Как вам будет угодно, сударыня. А я буду производить дознание и без вас.

Ушла, хлопнув дверьми.

Помощник пристава стал опрашивать показания мое, жены, прислуги.

Вдруг снова появляется Яковлева:

– Ну, хорошо, я, пожалуй, согласна дать показание! Но по закону вы должны предъявить мне для прочтения все то, что вот они против меня показывали.

Полицейский чиновник исполнил ее желание.

– Это все ложь! Это выдуманно! Вот уж я расскажу, как было дело.

Стала показывать, но так фантастично, что пристав ее постоянно прерывал и указывал, что она противоречит сама себе. По ее словам, я врывался в ее комнаты, кричал, бранил, чуть ли не бил ее, во всяком случае – угрожал ее убить. Она даже боится теперь ходить по темным улицам, опасаясь, чтобы я не подстерег и не убил ее.

Пристав уже не мог удерживаться от смеха, записывая этот вздор.

Вдруг она резко оборвала свои показания:

– Хорошо, я согласна съехать с квартиры, если он даст обязательство взять назад жалобу о хулиганстве!

Полицейский приглашает меня.

– Я бы согласился на это! Но я не уверен, что вслед за получением от меня такого обязательства госпожа Яковлева не предъявит ко мне иска, подобного тому, о котором писала. Конечно, на суде она его выиграть не сможет, но у меня нет времени на то, чтобы заниматься подобными глупостями. Пусть она выдаст удостоверение о неимении ко мне никаких претензий.

– А квартирную плату будет он с меня требовать?

– Прощаю вам и квартиру плату, только поскорее уходите!

– Да, а вдруг я выдам такое удостоверение, а он не откажется потом от обвинения в хулиганстве.

Я рассмеялся.

– Хорошо, сделаем так: мы оба дадим свои обязательства господину приставу. Когда вы вынесете свои вещи за порог, он нам передаст – каждому свой документ.

– На это я, пожалуй, согласна.

Пошла собирать свои вещи, а затем отправилась за извозчиками.

– Я решила, – объявила она, – уехать в Петроград. Выезжаю первым поездом.

– Вот и прекрасно, счастливого пути!

В ее комнате висели на стене два термометра – ее и наш. Мне показалось, что она снимает наш.

– Вы, кажется, ошиблись. Не это ли ваш?

– Что... Вы меня обвиняете в краже! Это ведь клевета! Я буду жаловаться на вас в суд.

– Успокойтесь, ваш номер не пройдет! Никто вас в краже не обвиняет.

Наконец, – ее вещи за порогом. Мы облегченно вздыхаем. Помощник пристава выдал каждому его обязательство. Кончено!

Потом оказалось, что она вовсе не уехала из Твери, а поселилась у доктора Смоленского. У несчастных в доме повторилось все так же, как у нас, вплоть до обращения с жалобой к полицеймейстеру. Даже дознание у Смоленского и ее выселение производил тот же полицейский чиновник.

Но после этой новой истории она действительно из Твери уехала.

Прошло месяца два. Звонок. Прислуга говорит жене:

– Пришел начальник сыскной полиции. Просит с вами переговорить.

– Скажите, у вас проживала называвшая себя Яковлевой?

– Да!

Жена рассказала ему, что у нас произошло.

– Теперь, – говорит полицейский чиновник, – я вам кое-что покажу. Только предупреждаю – вы не пугайтесь!

Показывает фотографии: в трюме какой-то барки – труп голой женщины, в странной позе, волосы растрепаны...

– Это она?

– Не могу узнать! Возможно, что она, но наверное не скажу.

Он развертывает клетчатую юбку в кровавых пятнах.

– Не ее ли это юбка?

– Как будто ее; но я наверное не помню. Это лучше знает прислуга.

Призывают нашу женщину.

– Да это же юбка нашей жилицы! Той самой... Сколько раз я ее чистила.

Началось судебное следствие; все мы вынуждены были давать показания.

Выяснилось следующее:

Жилица – беглая каторжанка. Она жила по фальшивому паспорту. Полиция подозревала, что у нее был склад краденых вещей. Этим, вероятно, и объяснялась ее недоверчивость и осторожность с прислугой во время уборки комнат, а также переноска к себе и от себя таинственных узлов.

Этого было мало. Ей, женщине за сорок лет, захотелось еще и личного счастья. Стала публиковать в «Брачной газете»¹², что, мол, молодая вдова, имеющая капитал в тридцать тысяч рублей, ищет себе мужа. Ответов получала она много, и часто все мы видели ее на почте, получающую корреспонденцию до востребования. Наконец, она выбрала – «морского офицера» в Ревеле.

Нашла, однако, коса на камень. Жених также оказался беглым каторжником. Он вызвал невесту в Ревель. Заманил ее на пустую барку, убил и ограбил.

Убийство долго оставалось не выясненным. Но сыскная полиция в Ревеле узнала, что некоторое время назад один беглый каторжанин спяна хвастал собутыльникам:

– Жду к себе невесту из Твери. У нее – тридцать тысяч!

Тогда напали на след и обратились в Тверь.

Кажется, убийцу под конец поймали.

¹² «Брачная газета» выходила в Москве в 1906–1917 гг.

Часть III

Великая война

*Мы, дети страшных лет России,
Забывать не в силах – ничего¹³.*

А. Блок

1. В Твери – в тылу

Начало

Громкий выстрел в Сараеве вселил смутную тревогу. Чувствовалось, что так, просто, не обойдется. Клубок запутывался по мере того, как Австрия принимала все более воинственный тон, особенно после предъявления ею ультиматума Сербии. Нельзя было не замечать – даже постороннему глазу – об усилении тревожной нервности в военной среде, о подготовке к мобилизации... Наконец объявление самой мобилизации... Все же теплилась надежда, что это только бряцание оружием, а что до настоящего дела не дойдет. И вдруг – дошло и притом так просто...

Мы сидели за работой, в жаркий июльский день, в Тверском отделении Государственного банка, склонив головы – кто над делами, кто над суточными отчетными ведомостями, – рабочий день заканчивался. Иные яростно еще щелкали костяшками счетов, как будто вымещая на них всю свою досаду за житейские невзгоды.

В операционную залу вбежал чиновник банка А. А. Постников:

– Господа, Германия объявила России войну¹⁴!

– Что вы говорите?

– Бросьте вы такие шутки!

– Да быть этого не может?!

– Нет, господа, это верно! Мой отец только что узнал об этом от губернатора, который получил телеграмму об объявлении войны.

Я все-таки не поверил...

– Германия объявила войну!

Но достаточно было выйти на улицу, чтобы поверить. Новость молниеносно облетела весь город. На Миллионной улице, на бульваре – толпились кучки офицеров. Со встревоженными лицами, взволнованно беседуют... Нельзя было не понять: непоправимое случилось.

Всматриваюсь в лица солдат – на них ничего еще не прочтешь. Как будто ни важность момента, ни все его серьезные последствия ими еще достаточно не осознаются.

Призывы по мобилизации. И наш банк заметно опустел, – ушло вдруг человек пятнадцать – двадцать: чиновников, счетчиков, сторожей.

¹³ Строки из стихотворения А. Блока «Рожденные в года глухие...» (1914).

¹⁴ Германия объявила России войну 19 июля (1 августа) 1914 г.

В тот же день начались уличные патриотические манифестации. Искренние ли? Да, искренние, многих, несомненно, они захватывали. Особенно усердствовала молодежь. Но манифестантам надо иметь цель. С развевающимися национальными флагами дефилируют по городу, направляясь к старинному Екатерининскому дворцу, где живет тверской губернатор – фон Бюнтинг. Многих шокирует – и об этом в Твери повсюду говорят, – что патриотические ответы – призывая к беспощадной борьбе с немцами – дает манифестантам с балкона дворца губернатор – немец. По молве, Бюнтинг считался состоящим под покровительством именно немецкой дворцовой партии.

Первая отправка на фронт войск местного гарнизона. На соборной площади – молебствие. Выстроились пехота – Московский полк и артиллеристы.

Говорит слово архиепископ Серафим. О нем говорят, что это – бывший полковник:

– Государь император призывает вас защищать границы родины...

И вдруг повышает голос до высшего напряжения:

– Так идите же!!

Переходит на мягкий, ласковый тон.

– А мы, остающиеся здесь, каждодневно будем возносить о вас молитвы к престолу Всевышнего!

Всматриваюсь в лица ближайших солдат-артиллеристов. Напряженное, вдумчиво застывшее внимание, когда слушают слова архиепископа.

Позже вновь уже сформированным частям городское управление решило выдать какие-то знамена, хранившиеся едва ли не от ополчения 1812 года. Ожидали, что передавать их частям будет городской голова. Но передачу их взял на себя губернатор фон Бюнтинг.

В Твери опять заговорили:

– Не быть добру! Немец дал знамена на войну с немцами...

Были его вмешательством смущены и войска, получившие эти исторические знамена.

Военное время

Потянулись долгие томительные месяцы. Постоянные неудачи сменялись редкими днями со счастливыми вестями с театра войны. Надежда на успех казалась иногда совсем потерянной, а то вдруг, после какого-нибудь успеха, она вновь воскресала. Чувствовалось, что правительство бессильно справиться с легкой на его плечи задачей, но общественность шла широко на помощь, – поскольку ее пускали действовать.

Приходили волновавшие местное население сведения о потерях среди тверичан. Стали появляться в городе и свои раненые.

А призывы шли непрерывной чередой.

На улицах неумолчно слышалась солдатская песнь. Тверская губерния из неистощимого, казалось, запаса вливала свое мужское население в ряды войск... Призываемые – постоянно на улицах: либо идут за город на учение, либо – с узелками в бани. Лихо разносятся их песни – и летом, и зимою.

На некоторых улицах, поближе к казармам, каждый день – учение солдат. И эта картина понемногу становится привычной, быть может – слишком привычной.

Эшелон за эшелоном движутся на вокзал, провожаемые оркестром музыки. Солдаты снабжены амуницией хорошо, могут даже щегольнуть ею. У всех в красивой кожаной оправе топорик, либо лопата, либо кирка, у всех ружья. Но иные из солдат слишком громко кричат «ура», слишком бравурно поют. Под этой бравадой чувствуется боль души, не заглушаемая победным маршем оркестра.

А по сторонам, на тротуарах и по улице, рядом с эшелоном бегут женщины – и молодые, и старые. Слезы на старческих сморщенных лицах. Иная молодуха не выдерживает, бежит рядом с милым – почти в солдатском строю.

Не отрешиться от впечатления, что идут обреченные на бойню. Тревожно сочувственные взгляды у встречаемых, у прохожих. Останавливаются, следят скорбными глазами за удаляющимися к вокзалу солдатами.

А эшелонам, кажется, конца нет и не будет. Неисчерпаем запас мужчин на Руси широкой.

Месяцы за месяцами все так же льется на вокзал неиссякаемый запас тверичан. Но что-то приобретает другой вид. И это что-то бьет в глаза.

Идут уже не молодые, часто безусые... Идут бородачи. И вид их не прежний, бравый. Не так бойко звучит их песня:

Соловей, соловей,
Пташечка!

И в городе – странное явление: на рынке слишком часто распродается солдатское обмундирование, особенно – солдатские сапоги. Их выдается по две пары, одна часто сейчас же сбывается на рынке.

Но что особенно заставляет сжиматься сердце – явно уже не военный вид эшелона. Солдаты идут на войну без ружей... Да это только переодетые в солдатские шинели сутулые, невооруженные и малообученные мужики. Какие же они солдаты? Просто пушечное мясо! И что еще тяжелее – позади эшелона идет взвод вооруженных до зубов настоящих солдат, чтобы отправляемые защитники родины не разбежались на пути к вокзалу...

Становится наглядным, что дела плохи. Уже не ведут на войну, а буквально гонят, как стадо, безоружное и почти беззащитное. Тревожно провожаешь таких защитников родины, а вести с войны оправдывают тревогу. Люди идут в бой без ружей, ожидая, что убьют соседа и тогда воспользуешься его ружьем. Безоружные массами берутся в плен немцами в слишком, как кажется, легко сдающихся крепостях.

Другая большая забота – раненные. Их все подвозят и подвозят. Но почему-то в город с вокзала их перевозят только по ночам, как будто это – постыдное дело... Неумный дипломатический расчет – не производить тягостного впечатления видом транспортов с ранеными. Результат получается как раз обратный, стоустая молва раздувает количество действительно прибывших жертв войны.

Как-то воровски, по ночам специально приспособленные вагоны трамваев развозят раненых по лазаретам. И в них закипает ночная работа.

В Твери лазаретов не хватает. Несколько зданий школ отдано под лазареты: женская гимназия, учительская земская школа Максимовича и пр. Помещаются небольшие лазареты и в отделенных для этого частях казенных учреждений и частных домах. Отделена для этой цели под лазарет имени убитого недавно великого князя Олега Константиновича и часть помещения правительственного реального училища.

Тем не менее раненых привозят слишком много, мест все не хватает.

В. И. Гурко

На этой почве у меня вышел инцидент. Управляющий Тверским отделением Государственного банка П. С. Токарский был в отпуску, я его заменял. Приходит ко мне живший обыкновенно в Твери В. И. Гурко, бывший печальной памяти – по Лидвалевским злоупотреб-

лениям с поставкой хлеба голодающим¹⁵ – товарищ министра внутренних дел. Тогда газеты его прозвали Гурко-Лидваль. Время, однако, шло, прежнее было позабыто, а теперь В. И. Гурко был видным членом Государственного совета по выборам от Тверской губернии и вместе с тем лидером крайних правых.

Сейчас он пришел как местный представитель Красного Креста. Потребовал, чтобы я уступил под лазарет для раненых воинов достраиваемое большое здание Государственного банка.

– А вы уж как-нибудь еще потеснитесь в старом здании!

– Цель, для которой вы просите здание, такова, что, конечно, возражать против этого я лично не стану. Но вы сами понимаете, что своей властью решить этого вопроса я не могу. Понадобится испросить разрешение центрального управления Государственного банка.

– Конечно! Мне важно знать ваше принципиальное отношение.хлопотать же в Петрограде буду я сам!

Он стал хлопотать, но должно быть слишком задел при этом управление банком, и последнее отказало в его требовании. Получив об этом официальное извещение, я сообщил о нем Гурке. Он был вне себя от ярости. Поехал снова в Петроград и там на этот раз сумел добиться распоряжения о передаче нашего здания Красному Кресту. Я получил об этом соответственное распоряжение.

Гурко собирает по этому поводу совещание из представителей заинтересованных ведомств. Получил приглашение и я, взял с собой архитектора здания Аристова.

Гурко начал с грубой демонстрации. Заставил ожидать открытия заседания почти целый час. Посылаю сказать, что должен вскоре идти закрывать банк, а потому прошу, нельзя ли начать.

После выяснилось, что Гурко счел меня виновником первоначального отказа. Поэтому он и повел себя в отношении меня чрезвычайно нахально, и дело чуть было не дошло до настоящего скандала. Предъявил требование, чтобы здание было достроено к назначенному им сроку.

– Закончить в такой короткий срок нельзя, и во всяком случае я обо всем этом должен запросить центральное управление.

Гурко вспыхнул, покраснел:

– В таком случае я пошлю телеграммы министру финансов и управляющему Государственным банком с жалобой, что вы тормозите передачу здания раненым!

– Телеграммы вы вольны отправлять, какие хотите...

– Надеюсь! – бросает Гурко.

– Но правда от этого не изменится! Никто в этих стенах не имеет права считать себя более русским, чем каждый другой. И здесь нет детей, которых было бы можно запугивать. Дела никто не тормозит, а строительные работы произвести мгновенно нельзя.

Мой тоже резкий и громкий тон подействовал охлаждающе на Гурко. В дальнейшем я замолчал, предоставив о технической стороне договариваться нашему архитектору.

После заседания Гурко подходит примирительно, с любезной улыбкой:

– Я рад, что мы в конце концов говорили одним языком!

Пожимаю плечами:

– А я удивляюсь, что вы, ваше превосходительство, такой опытный бюрократ, упускаете из виду, что мы, на местах, не распоряжаемся самостоятельно. Ведь все подобные вопросы разрешаются в центре, в Петрограде.

¹⁵ В 1906 г. товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко передал заказ на закупку 10 млн пудов зерна, предназначенного для голодающих от неурожая губерний, купцу Э. Л. Лидвалю, который, получив задаток в размере 2,3 млн рублей, не осуществил поставки в договоренном объеме. Отданного под суд за убыточную сделку Гурко уволили 17 сентября 1907 г. по обвинению «в превышении власти и нерадении в отправлении должности», но уже 27 марта 1908 г. он был помилован.

– Я думал, что именно вы тормозите передачу и что мне было отказано по вашему представлению. Меня это удивило и возмутило, потому что сначала вы как будто сочувствовали передаче.

Зная, однако, с кем я имею дело, тотчас же отправляю шифрованную телеграмму управляющему Государственным банком И. П. Шипову с изложением о происшедшем инциденте.

– Это такой нахал, – говорил позже Шипов, – что другого такого во всей России не найти!

Приблизительно через месяц в спешно приспособленном здании банка был устроен обширный лазарет.

Наезды царской семьи

В течение первых лет войны наезжали в Тверь смотреть госпитали императрица Александра Федоровна, со всеми дочерьми, а также из Москвы ее сестра великая княгиня Елизавета Федоровна. Обстоятельства этих приездов уже имели симптоматический характер, отражавший нараставшее неудовольствие династией. Их приезды, вопреки провинциальному обычаю, проходили малозаметными, отношение общества было довольно кислое. Странно было бы, если б они этого не замечали. За исключением должностных лиц, их никто и не встречал.

Молва в уродливом преувеличении повторяла петроградские разговоры об императрице и Распутине. Но, кроме того, обеих сестер – особенно же Елизавету Федоровну – упрекали в том, будто они, посещая лазареты, проявляют больше внимания и баловства к германским раненым, чем к русским.

Весною 1916 года приехал в Тверь и Николай II¹⁶. Здесь еще раз выявился тот злой рок, который повсюду сопутствовал этому несчастному государю.

Рано поутру начали переправлять войска из-за Волги – а она весной разлилась, – для установки солдат вдоль пути следования государя. Но одну из лодок так перегрузили, что она легко опрокинулась. Около двух десятков солдат утонуло.

Этот недосмотр военного начальства вызвал во всех слоях крайне тягостное впечатление. И раздражение невольно переносилось на государя как на кажущуюся причину несчастья. Кажется, от него скрыли о катастрофе, разное по этому поводу говорили.

Все же массы городского населения встретили государя еще тепло. Раздражение пока не так еще назрело, да оно, собственно, переносилось полностью на императрицу, а, кроме того, зрелище всегда остается зрелищем.

Дочь моя Людмила, бывшая сестрой милосердия в общине Красного Креста, рассказывала о посещении Николаем их лазарета:

Один раненый солдат пожаловался государю на сильные головные боли.

– У меня тоже постоянно болит голова!

Этот ответ, сказанный, вероятно, для утешения, много потом комментировался, особенно в связи с воспоминанием о японском покушении на Николая II¹⁷.

Позже раненые солдаты делились с сестрами своими впечатлениями от царского посещения. Они все были поражены осведомленностью государя относительно их полков и обстоятельств боя, в котором они были ранены.

Но после его посещения подъем в лазарете был большой. Это с несомненностью показывало, что тогда монархизм в солдатской среде не был деланным, искусственным. Некото-

¹⁶ Неточность: великая княгиня Елизавета Федоровна приезжала в Тверь 9 марта 1915 г., Николай II и Александра Федоровна, посетившие два городских госпиталя, где император награждал раненых, – 21 апреля. Осенью того же года, 13 октября, императрица с четырьмя дочерьми снова побывала в Твери, откуда направилась в Ржев.

¹⁷ 29 апреля 1891 г. будущий император, совершавший путешествие по Японии, подвергся в г. Оцу нападению местного полицейского, националиста Цуды Сандзо, успевшего нанести саблей два скользящих удара по голове цесаревича, из-за чего врачам пришлось накладывать ему швы. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ГРОЗА

рые раненные, раньше просившие задержать их выписку, после царского посещения сами стали просить о скорейшей отправке их на фронт.

Маленький курьез: когда во дворце губернатора государь обходил представлявшихся старших чинов, он задал, вероятно, первый пришедший в голову вопрос моему шефу по банку Токарскому:

– Как у вас в губернии кооперация?

П. С. Токарский, до смерти любивший многословие, выражал потом огорчение, что он был стеснен временем для ответа:

– Вот если б мне дали поговорить с государем два-три часа, я бы ему все подробно рассказал о нашей кооперации. А что скажешь в две-три минуты? Нас предупредили, что дольше разговаривать с государем нельзя...

Когда пришло известие об убийстве Распутина, ликование было всеобщим. Как будто настал светлый праздник. Радостно взволнованные тверичане ожидали теперь наступления лучших времен. Думали, будто тяжелый кошмар дворцовых влияний окончился...

Революционная гроза

1. Первые раскаты

Ржев

В конце января 1917 года мне пришлось переехать в Ржев, в качестве управляющего местным отделением Государственного банка.

Ржев своей внешностью производил впечатление большого уездного города. В центральной части здания были получше, а к окраинам – только деревянные домики, часто с садами. Улицы по большей части незамощенные, тротуары вне центра дощатые, а нередко и вовсе их нет.

Посреди города – площадь, большая, окаймленная недурными двух- и трехэтажными домами. Это – торговый центр. Часть торговых рядов расположена на самой площади. Она вымощена, и на ней бывает еженедельно большой базар. Съезжаются крестьяне из соседних деревень, и грязь тогда на площади разводится изрядная.

В одном углу площади – большая трехэтажная гостиница. Дом освещен – что во Ржеве еще большая редкость – электричеством, имелась собственная станция. Этому дому, как лучшему в городе, впоследствии суждено было стать большевистским совдепом.

Неподалеку от площади, в одном лишь квартале, на берегу Волги стоит здание Государственного банка. Оно также освещается электричеством – посредством собственной станции. Во всей остальной части города – скверное керосиновое освещение.

Обращают на себя внимание хорошие здания городских школ – почти все по одному типу, с громадными окнами, дающими много света.

Город разделяется Волгой на две части: Князь-Федоровскую и Князь-Дмитриевскую¹⁸. Остаток старины – удельного времени, когда город был поделен во владение двух братьев. Через реку между этими частями переброшен железный мост.

До недавнего еще времени, когда Волга сковывалась льдом, на ней устраивались кулачные бои: князь-федоровская сторона шла стеной на князь-дмитриевскую...

Одна из особенностей Ржева – его водоноски. Так назывались женщины, носившие из Волги на ее гористые берега ведрами воду в дома обывателей. Этим трудным делом занимались четыре тысячи женщин. Когда в городском самоуправлении поднимался вопрос об устройстве во Ржеве водопровода, оппозиция протестовала:

– А что будем делать с водоносками? Чем они жить будут?

Водопровода так и не устраивали. Мы в банке завели свою водопроводную станцию.

Как и в других старых русских городах, удивляло количество церквей.

Ржев, несомненно, один из красивейших русских городов. Разбросан на нескольких холмах, покрыт множеством садов. Красив и покрытый снегом, особенно когда сквозь узоры церквей виднеется сумеречное красное небо, и в лунные ночи весной, покрытый ковром цветущих деревьев.

Для прогулок на нашей, князь-федоровской стороне, где расположен Государственный банк, служил начинавшийся от банка приволжский бульвар. На другой стороне реки, у князь-

¹⁸ В 1477 г. князь Борис Волоцкий поделил Ржев на две половины, которые достались его сыновьям Федору Волоцкому и Ивану Рузскому, а после смерти второго перешла к их двоюродному брату Дмитрию Углицкому, из-за чего часть города, расположенная на левом берегу Волги, получила название Князь-Федоровской стороны, а на правом – Князь-Дмитриевской.

дмитриевцев, была роща. Но лучшей прогулкой бывало идти вдоль холмистых и облесенных берегов еще узкой здесь Волги.

Жизнь во Ржеве, когда я сюда переехал, шла как будто нормально, и ничто не предвещало вскоре разыгравшихся событий.

Небольшой город с его тридцатитысячным населением был, однако, переполнен солдатами. В ту пору здесь стояла резервная бригада¹⁹, состоявшая из четырех полков и насчитывавшая в своих рядах тысяч тридцать солдат. Офицеров также было множество: одних молодых прапорщиков, проходивших офицерские повторительные курсы, было около тысячи.

Бригадой командовал полковник Мириманов и поддерживал в качестве начальника гарнизона железными руками суровую дисциплину.

Порядок был в гарнизоне образцовый, и неоднократно приходилось слышать выражения удовольствия по поводу того, что жители, несмотря на такое количество солдат и притом малодисциплинированных, из пожилых запасных, – не испытывают никаких неудобств от такого переполнения войском.

Держал Мириманов сурово в руках и офицерскую молодежь. Его административные заслуги признавались всеми, кроме, разумеется, подтягиваемых.

В банке

Двухэтажное здание Государственного банка, с высоким теремом над одним из его углов, расположенное на возвышенном берегу Волги, было тогда красивейшим домом во Ржеве. Он как бы господствует над городом, и позолоченный орел на вершине терема был виден отовсюду.

Среди городского населения распространилась легенда, будто этот двуглавый орел вылит из чистого золота:

– Банк, мол, так богат, что не знает, куда и золото свое девать...

Эта легенда причинила мне впоследствии немало хлопот.

В верхнем этаже был собственно банк, в нижнем – громадная квартира управляющего. Она состояла из девяти больших комнат. От двух из них я сразу же отказался в пользу младших служащих. И семи хором для моей семьи, состоявшей из четырех человек, было много.

Внутри двора были постройки с квартирами для низших служащих, а в отдельном трехэтажном корпусе были квартиры старших служащих.

Неприятным обстоятельством было то, что в нашем здании помещалось не одно, а два отделения банка: сюда было эвакуировано и Двинское отделение. Однако по условиям военного времени, с этим приходилось мириться.

Усадьба все же была страшно мала, так что, например, не было места, где бы складывать запас дров, заготавливаемый на зиму. Но был прикуплен еще расположенный рядом двухэтажный дом. В верхнем его этаже дали квартиру управляющему Двинским отделением С. И. Вешенскому.

В общем, здание было чистенькое, новое, хотя и с некоторыми строительными дефектами. Было бы в нем нам просторно, если б не то обстоятельство, что в нем были поселены сразу два отделения.

Правительственных учреждений в городе было мало, и они имели только уездное значение. Находились еще мужская и женская гимназии и эвакуированное из Белостока реальное училище. Город же был по преимуществу промышленный, со значительным числом не очень, впрочем, крупных фабрик и заводов и сильно развитой в районе кооперацией. При таких условиях Государственному банку приходилось играть в городе слишком видную, пожалуй, пер-

¹⁹ 27-я пехотная запасная бригада.

венствующую роль. Рядом с ним, как бы приютившись под его крылом, было еще отделение Московского банка, раньше называвшегося банком Рябушинских²⁰.

Состав служащих в Ржевском отделении был в общем малоинтеллигентный. Почти все чиновники происходили из местного духовенства. Получивших университетское образование было лишь два-три человека. Особенно же неприятно выглядели банковые сторожа, также все местные уроженцы, грубые ржевские мужики. Более или менее исправные по службе, особенно при введенной мною дисциплине, они в большинстве имели недоброжелательный, угрюмый вид и мало внушали к себе доверия.

Ближайшим моим помощником был контролер Аким Павлович Попов, недоучившийся студент, также из духовного звания, человек на редкость упрямый, самостоятельный и властолюбивый. Мой предшественник А. Д. Демуцкий, болевший в последние годы, фактически сдал управление банком Попову, а сам занимался только показными пустяками, да еще постройкой нового здания банка. Попов привык за несколько лет к полноте власти и не хотел без боя переходить к нормальному порядку. Подчиненные Попова очень недолюбливали; из-за большой лысины на голове его прозвали «босой головой».

Бухгалтер Александр Иванович Синев также происходил из духовного звания. Громадный мужчина, неповоротливый, но мягкий и почти безвольный. Смотрит на всех голубыми, невинно-вопрошающими глазами... Хорошо певший, он был, в сущности, типичным церковным регентом, по недоразумению ставшим банковым служащим.

Человек он был все же неплохой, а за свою слабовольность и мягкий характер пользовался симпатиями подчиненных.

Кассир Смагин был бесцветною, но не внушавшей доверия личностью. Он всегда заискивающе улыбался, но избегал говорить с определенностью. Зато меня донимала его жена, стареющая институтка. Забрасывала раздушенными письмами на розовой бумаге в 12–16 страниц каждое, написанное к тому же мелким почерком. Говорила все о своих знакомствах и связях, о близости чуть ли не ко Двору, а кончала служебными делами и сплетнями. Получение очередного толстого розового конверта меня наперед выводило из себя. Я думал, что эти письма пишутся без ведома мужа, и дал ему понять, что это вовсе не подходит, но убедился, что Смагин вполне в курсе этой странной переписки.

В последующие месяцы со Смагиным вышла крупная неприятность: у него в кассе оказалась недостача двух тысяч рублей. При мне им была разыграна сцена отчаяния, он говорил по телефону с разными клиентами, спрашивая, не передал ли он кому-либо этих денег... В банке, при заслугах кассира, растраты или прочеты могли быть и прощены, но в данном случае я не видел основания возбуждать пред центральным управлением ходатайство о прощении прочета, тем более что как человек он вызывал неудовольствие против себя.

Однако Смагину повезло. Разыгравшиеся революционные события, вызвавшие общую разруху, а затем и большевизм, – дали ему возможность избежать ответственности.

Но прожил он недолго. Во время большевизма, при поездке за продуктами для семьи, он внезапно умер.

Когда большевики меня сместили, возник вопрос о выборном моем заместителе. А. П. Попов благоразумно снял свою кандидатуру. Он и боялся теперь ответственности, да и знал, что, при его непопулярности, сослуживцы его не выберут. При большевицком управлении он занялся главным образом снабжением семьи продуктами; сшил для этого себе солдатскую шинель и, под видом солдата, ездил в качестве мешочника за добычей.

Избрание в мои заместители выпало на долю Синева. Он согласился, но об этом еще несколько слов будет впереди.

²⁰ Банкирский дом братьев Рябушинских, учрежденный в 1902 г., был преобразован в 1912 г. в «Московский банк», имевший отделение в Ржеве.

Другие сослуживцы были, по преимуществу, молодежь. Из них более заметным был секретарь Б. В. Родзевич, способный человек, но с крайним левым направлением и чрезмерно самостоятельный. Для секретаря, особенно во время революционной разрухи, это не подходило, и я сместил его на роль помощника контролера, чем он был очень обижен. Позже, в смутные времена большевизма, он играл положительную роль и даже примирился со мною в душе, после случая шумного моего заступничества за него.

Занятым типом был Мардониев, помощник контролера, заведовавший сберегательной кассой. Дело свое знал, но как человек был нестерпим. Каждый раз, как являлся ко мне в кабинет, обливал кого-либо из других служащих грязью, стараясь повредить им по службе. Благодаря этому свойству я прозвал его «американской вонючкой» – животным, обладающим для самозащиты зловонной жидкостью. Мардониева никто не любил, а я не мог скрыть своей к нему антипатии.

При самом начале большевизма Мардониев перекинулся на сторону победителей.

Доброе воспоминание осталось о служащих барышнях: как правило, в деловом отношении они были добросовестнее чиновников-мужчин, а во время борьбы с большевиками не дали из своей среды ни одной перебежчицы, чего нельзя было сказать о мужчинах.

Неприятным обстоятельством оказалось соседство Двинского отделения. Режим управлявшего этим отделением С. И. Вешенского и мой режим заметно между собою отличались, а это вредило делу.

Вешенский, бывший офицер, принадлежал к числу тех начальников, которых все «любят», то есть которые во всем стараются быть приятными подчиненным, избегая вызывать их неудовольствие. И Вешенский, в деловом отношении довольно слабый, пользовался среди подчиненных популярностью.

В общем, состав этого отделения был интеллигентнее, чем наш, и люди были, в их большинстве, неплохие. Непосредственным помощником Вешенского, исполнявшим обязанности контролера, был бухгалтер Пекарский, молодой еще человек, бывший студент, довольно симпатичный, но мягкотелый и слабонервный.

Мне, в Ржевском отделении, пришлось сразу же подтянуть служащих, несколько распустившихся при моем слабовольном и болезненном предшественнике, особенно в том, что касалось охраны банка и дежурств чиновников. Это вызвало некоторое неудовольствие, хотя и не слишком большое, потому что в других отношениях я старался соблюдать величайшую справедливость. Собственно, и этого неудовольствия не было бы, если б не соседство, а то ржевские часто говорили:

– А вот у двинских...

Заведенные мною порядки оказались полезными и были осознаны служащими при разыгравшихся вскоре событиях. Но мне стало легче, как это ни парадоксально, лишь среди лета, когда Вешенского перевели в Витебск, а на меня возложили двойную работу – управление обоими отделениями²¹.

Купечество

Ржев был одним из главных центров старообрядчества, и купечество города, с которым по банку приходилось по преимуществу работать, были типичными старообрядцами, строго соблюдавшими свои обычаи.

²¹ 23 июня 1917 г. управляющий Двинским отделением Государственного банка И. Е. Вешенский телеграфировал из Ржева в Петроград, что сдал отделение Стратонову (Российский государственный архив экономики. Ф. Р-2324. Оп. 13. Д. 9. Л. 194).

Типичен, например, был старик Сафронов, тогда уже лет 65, с длинной седой бородой, покрывавшей половину груди, и с острыми глазами, блестевшими из-под седых бровей. Говорили, что у него в доме скрыто есть особая молельная. Действительно, я у него застал, при своем визите, несколько женских фигур в монашеском одеянии. При виде незнакомого человека они поспешно куда-то шмыгнули.

Дом Сафронова, как и у других домовладельцев купцов-старообрядцев, состоял из двух этажей. В нижнем, с низкими потолками, сосредоточивалась вся семейная жизнь. Здесь особого парада не было. Зато в верхнем – были громадные хоромы, богато убранные. Эти комнаты предназначались для гостей и вообще для парадных okazji. Жить же в них не полагалось.

Сафронов явился отдавать мне визит в блестящем мундире, сшитыми золотом воротником и обшлагами. Сначала я не понял, в чем, собственно, здесь дело, но вскоре догадался, что это мундир почетного мирового судьи²², звание, которым Сафронов, очевидно, козырял.

Большой богач, он был прижимист. Когда в 1917 году шли подписки на разные военные займы, он старался отделаться обменом одних бумаг на другие, не приобретая новых выпусков. Была только видимость, будто он проявляет патриотизм, участвуя в займе. Я кому-то об этом высказался, но мои слова тотчас же были переданы Сафронову. Он явился обиженный:

– Вы думаете, что Сафронов совсем плохой человек?

– Плохим я вас не считаю и никогда этого не говорил. Но что на заем вы, в сущности, никакого вклада не сделали, так это верно!

При начале большевизма он должен был бежать из Ржева как слишком буржуазная фигура²³.

Тогда в Ржеве выделялись своей интеллигентностью и более европейским укладом жизни три брата – именитые ржевские купцы-миллионеры Поганкины. Один, Иван Александрович, был в то время городским головой, – он производил чрезвычайно обаятельное впечатление. Другой, Василий Александрович, был обаятельнейшим членом учетного комитета в нашем банке, и он, вместе со своей женой Анной Александровной (выделявшейся, несмотря на молодые еще годы, совершенною сединою волос), являлись европейски образованными людьми.

Конечно, и эти купцы жестоко поплатились при большевизме, а В. А., в мое еще пребывание в Москве, отсиживал в тюрьме из-за дутого обвинения.

Мне приходилось побывать на ближайшую Пасху у ржевских купцов, и я был поражен тем, как они обедают. В одной гостиной накрыт пасхальный стол, где, кажется, наставлено все, что только можно придумать. Здесь гостей и заставляют наесться до отвала. Но когда показалось, что можно и уходить, хозяева повели в соседнюю комнату, где опять был новый пасхальный стол, но уже с иными яствами. Здесь опять в вас принудительно напихивают больше, чем это по силам человеку.

И деловые сделки у купечества во Ржеве было принято совершать во время завтрака. Пригласит продавец покупателя, начинает напихивать вкусными блюдами и накачивать вином, пока размягченные стороны не идут обе на уступки.

Начало бури

Четвертого марта 1917 года истекало пятидесятилетие существования нашего ржевского банка. Еще задолго среди сослуживцев и членов учетного комитета возникли разговоры

²² Почетный мировой судья, в отличие от участкового, не имел постоянного помещения для приема посетителей, не обязан был постоянно проживать в своем округе, участвовал в судебных разбирательствах только в тех случаях, когда обе стороны сами обращались к его посредничеству, и имел право занимать другую должность по государственной или общественной службе.

²³ Неточность: А. Г. Сафронов не покидал Ржева, но, проезжая в октябре 1917 г. по городу в пролетке, был убит камнем, брошенным в него и пробившим ему голову.

о желательности отпраздновать этот день. Наши чиновники втайне питали надежду на то, что, как это иногда бывало с другими отделениями, и наше повысят разрядом, а это означало бы для всех значительную прибавку содержания...

Но уже за несколько дней перед этим из Петрограда начали доходить вести о начавшихся в столице, из-за недостатка хлеба, беспорядках. Потом поползли неопределенные пока сведения о происходящем чисто революционном брожении. Вероятно, в связи с несвоевременностью устраивать шумные празднества я получил из Петрограда распоряжение ограничиться по случаю юбилея только одним молебствием. Чиновники наши были разочарованы...

А слухи из Петрограда становились все тревожнее, хотя определенно еще никто ничего не знал. Было лишь известно, что там «что-то» происходит. Затем более уже определенно заговорили, что в Петрограде начались беспорядки революционного характера, и в них, будто бы, принимают участие и войска, а также и о том, что революционное движение возглавляется Государственной думой.

По детонации началось брожение и во Ржеве. Если оно не было осязательным еще среди нескольких тысяч рабочих, то, наоборот, оно заметно отзывалось в тридцатитысячной массе солдат, призванных из слоев населения, мало подходящих уже по возрасту к военной службе. Что будет дальше, во что все это выльется – угадывать было трудно, а прошлое достаточных уроков не давало.

Тем не менее я обеспокоился. У нас, в обоих отделениях Государственного банка было денег и ценностей на большую сумму, что-то около ста миллионов рублей. Денег было много, потому что мы снабжали ими ряд казначейств, которые, в свою очередь, финансировали на большом протяжении тыл армии. Главные, впрочем, средства были сосредоточены на моей ответственности.

– Сергей Иванович, ведь тревожно стало в населении. Не надо ли нам с вами позаботиться о военной охране банков? Так, на всякий случай...

Вешенский поежился:

– Да я право не знаю... Ведь все это, в сущности, касается вас...

Вижу – мой коллега старается уйти в тень. Делать нечего, надо действовать самому.

Не откладывая в долгий ящик, еду вечером же к начальнику гарнизона.

Город уже успел принять, как-то вдруг, тревожный вид. Освещение не везде, во мраке видны кучки народа, перемешанные с солдатами. О чем-то – потихоньку – беседа. Впервые почувствовалось, что революция зреет.

У Мириманова, в управлении бригады, как раз происходило в это время его совещание с четырьмя командирами полков. Меня тотчас же пригласили.

– Вы по поводу юбилейного празднества?

– Какое там юбилей! Приехал попросить у вас военную охрану для банка – ввиду развивающихся событий. На моей ответственности ведь большие ценности.

Мириманов прищурил глаза и переглянулся с полковниками:

– А что именно заставляет вас беспокоиться? Что знаете вы о назревающих событиях?

Пожимаю плечами.

– Но ведь и вы, небось, знаете о происходящем в Петрограде?

– Конечно, но нам хотелось бы сравнить свои сведения с вашими.

Я рассказал о том, что слышал.

– Да, – говорит Мириманов, – в таком же роде и наши сведения! Сколько же человек хотите вы?

– По-моему, пять-шесть было бы достаточно.

– Я решительно против этого, – вмешался один из командиров, полковник Генерального штаба. – Нельзя посылать такую малую силу, которая, в случае беспорядков, не справится и сдаст перед толпой.

– Правда, – говорит Мириманов, – хотя все дело в организованной силе. Вот сейчас – я не имею собственно права разглашать, что знаю доверительно, но вам скажу. Мы сейчас совещаемся по поводу проезда через Ржев в Петроград одного только батальона. Но зато этот батальон – весь из одних только георгиевских кавалеров! Удивляются, что для усмирения революции целого Петрограда посылался только один батальон. Но, при современном их вооружении, для Петрограда это – громадная сила!

Это и был тот батальон георгиевских кавалеров, с которым так неудачно был направлен из ставки в Петроград генерал Иванов. Как я потом догадался, совещанию уже было известно и о выезде из ставки государя в его незадачливое последнее царское путешествие.

Было решено командировать в банк два десятка солдат.

– Но есть ли у вас для них нары? Ведь солдат надо все-таки устроить!

– Нар, конечно, нет! Но есть особое для солдат помещение. А лес для постройки нары у нас также есть.

Для устройства солдатам нары были на следующее утро присланы плотники из ближайшего полка. Эту охрану я продержал около месяца, пока, как казалось, не наступило спокойствие.

Настал и день юбилея. Собравшиеся на молебствие городские нотабли и власти были немало смущены. Пришли слухи, что государь или отрекся от престола сам, или же его заставили уйти, но это были только слухи, достоверно же никто об этом не знал. Однако уже было известно, что царское правительство пало и что власть перешла к временному правительству.

Перед началом молебствия священник присылает ко мне за указаниями заведующего хозяйственной частью в банке Куницына.

– Кого же мне теперь поминать, при возгласах многолетия?

Никогда духовенство, говорили они, не испытывало еще такого затруднения.

Но не меньше затруднялся и я. Есть ли у нас царь или нет – никто точно не знает. Пропустить возгласение многолетия царю, если он есть, – мало ли чем такое распоряжение для меня может кончиться. А если его нет... Мы же возгласим ему многолетие...

Пошептался я с Миримановым как с высшей военной властью. Ведь, в случае чего, он же нас к законному порядку приводить будет.

Решили мы с ним о государе на всякий случай возгласить, а все остальное правительство – пропустить.

После молебствия приглашаю местную знать в свой обширный служебный кабинет, где был сервирован чай.

– Знаете, – шепчет Мириманов, – неловко как-то выходит... Следовало бы все же провозгласить тост за государя! Празднество-то официальное.

Гмм...

Чтобы как-нибудь смягчить неопределенность, я провозгласил тост одновременно и за нашего государя, и за нашу великую родину. Каждый мог кричать «ура» за того, к кому он тост относил.

Переворот

А затем пришли и точные сведения. Николай II отрекся от престола, то же сделал и великий князь Михаил Александрович.

Возбуждение в войсках и в населении все возрастало.

Получилась телеграмма из Твери от принявшего на себя обязанности губернского комиссара А. А. Червен-Водали. Он предлагает, ввиду совершившегося уже в губернском городе переворота, чтобы Ржевское городское управление организовало новую власть.

Городская управа немедленно назначила заседание думы, с участием представителей учреждений и общественности. Посоветовавшись с Вешенским, мы решили на это революционное собрание пойти.

Вешенский пришел в ужас от моей одежды:

– Вы, Всеволод Викторович, идете на такое собрание, где, быть может, провозглашена будет революция, – и надели форменное пальто!

Сам он облекся в какой-то полуфантастический – не то охотничий, не то военного покроя, но без погон, костюм.

Было зимнее утро с оттепелью. Нога тонула в таявшем снеге. Вереницы народа тянулись к зданию думы. Показалось мне, что мою форменную одежду, действительно, встречные провозжают с некоторым недоумением. Что-то уже носилось в воздухе такое, будто и революция требует своей формы...

Думская зала полна. Гласные, из числа знакомых, нас встретили с видимым удовольствием как признак перехода и учреждений к новому режиму. Собравшиеся начальники учреждений и представители общественности ожидали в кабинете городского головы, пока происходило закрытое заседание городской управы.

Собралась вся дума.

Городской голова И. А. Поганкин, с цепью на груди, открыл заседание. Огласил телеграмму Червен-Водали, а затем и только что состоявшееся постановление управы – предложить городской думе признать новую власть.

Из разных мест зала слышались тревожные возгласы:

– А как же гарнизон?

– Что будут делать войска?

– Надо выяснить сначала позицию полковника Мириманова!

Решают немедленно же послать от заседающей думы трех делегатов к начальнику гарнизона для выяснения отношения и его лично, и гарнизона к происходящему. Возгласами был намечен в делегацию популярный в населении доктор Филатов и еще два гласных.

Делегаты поехали.

Тревожные полчаса провело собрание. Лица бледные, волнуются. Вот-вот, казалось, вероятно, многим, окружают думу войска и всех арестуют...

Делегаты возвращаются:

– Начальник гарнизона признал временное правительство! Он обещал сейчас лично прибыть на собрание.

Восторг – всеобщий. Сейчас же откуда-то взялись ораторы. Встают на кафедру и разливаются на злобу дня.

Центром внимания как-то сразу сделался доктор Филатов. Он пострадал за что-то политическое после 1905 года, считался кадетом и подвергался систематическим преследованиям старой власти. Теперь к нему обращались, точно к имениннику. В общем, это был очень достойный человек, и к его мнению многие прислушивались.

Но вот в думском зале почувствовалось движение и сдержанные возгласы... Речь очередного оратора оборвалась. Приехал начальник гарнизона.

Бледный и взволнованный новой, необычайной для военного начальника, ролью, Мириманов медленно продвигался вперед среди тысячной уже толпы, ворвавшейся с улицы в залу. Пройдя к столу, за которым сидела городская управа, повернулся к собранию:

– Гарнизон признал временное правительство! Войска единомышленны со всем остальным населением в своем отношении к перевороту.

Восторженные возгласы в честь гарнизона и Мириманова. Свершилось!

В нашем банке

– Всеволод Викторович, служащие волнуются! Говорят, надо бы как-нибудь формально выявить отношение наших учреждений к перевороту...

– Хорошо! Переговорю с Вешенским.

– Ну-с, Сергей Иванович, как же мы поступим? Устроим завтра общее собрание?

– Да, надо устроить!

– Пригласим вновь избранного комиссаром города Филатова. Да?

– Это следовало бы...

– И скажем каждый своему отделению собственную речь?

Вешенский замялся.

– Нет, уж речь говорите вы один. Что же выступать двоим... Я ничего говорить не буду. Проведите все вы!

На другое утро, в десятом часу, собралось около сотни служащих обоих отделений. Поджидали доктора Филатова, но он запоздал. Мы вышли с Вешенским к собравшимся. Я сказал приблизительно следующее:

– Император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Но великий князь Михаил Александрович также отказался от царского престола. Власть, до созыва учредительного собрания, перешла к временному правительству. В согласии с другими учреждениями и организациями мы, Ржевское и Двинское отделения Государственного банка, также переходим в подчинение новой правительственной власти.

Но прежде чем начать жить новой политической жизнью, вспомним о тех десятках тысяч борцов за родину, которые в тюрьмах, в ссылке, в рудниках Сибири и на виселицах отдали свою жизнь за то, чтобы мы теперь стали свободными гражданами свободного государства.

Склоним благоговейно головы перед их светлую памятью!

А теперь, с бодрою верой в будущее обновленной и освобожденной России, прокричим громкое «ура» в честь тех мужественных людей, которые в тяжелую и ответственную историческую минуту не побоялись взять на себя бремя государственной власти. За временное правительство – «ура!!».

Восторженное «ура» покрыло мои слова. Какие мы все тогда были слепцы, и между ними первый – я...

В кабинете Вешенский стал упрекать меня в неосторожности:

– Как можно было кричать «ура» в честь нового правительства?! А вдруг вернется старая власть. Что с нами тогда будет?

Но в банке раздалось снова «ура». Что такое? Это приехал запоздавший комиссар доктор Филатов и говорил нашим служащим речь.

На другое утро, совершенно неожиданно для меня, снова собрались все служащие. Просят меня выйти к ним. Выхожу – с недоумением.

Чиновник банка С. В. Колпашников от имени собрания говорит мне приветствие. Служащие обоих банков благодарят меня за то, что я упомянул в своей речи о жертвах за политическую свободу...

Аплодисменты служащих.

2. Весна революции

Хороши только первые розы,

*Только утро любви хорошо*²⁴.

С. Надсон

Пафос революции

Пафос революции проявлялся все заметнее.

По городу постоянно образовывались сборища населения, по преимуществу – возле городской думы, ставшей естественным центром внимания. В первые дни, однако, все носило совершенно мирный характер. И когда офицер патрулировавшей команды говорил толпе:

– От имени начальника гарнизона по-братски прошу вас разойтись! –

толпа, с добродушными возгласами:

– Хорошо! Разойдемся! –

действительно мирно рассеивалась.

Но все же в полках, сдерживавшихся до революции суровой дисциплиной, стали быстро проявляться признаки разложения. Начала замечаться некоторая развязность и между офицерами. В этой среде появились в немалом числе и ораторы. Выступая на солдатских митингах, они начали бить на популярность в солдатской среде, играя на демагогических струнках. Чаще всего, в связи с этим, среди ржевского населения стала произноситься никому до того времени не известная фамилия – Канторов. О нем говорили, что это бывший помощник присяжного поверенного. Теперь он делал себе революционную карьеру.

На береговых склонах Волги, в садах и на бульваре стали появляться в урочное время, когда в полках до того времени производились занятия, группы солдат с первыми знаками внешней неряшливости. Иные уже не снимали с себя красных ленточек. Это были предрасветные сумерки «завоеваний революции».

Недели через две после переворота во Ржеве было назначено всенародное торжество по случаю революции. В нем приглашались участвовать все граждане. Местом избрана была громадная базарная площадь близ нашего банка.

Подъем настроения был еще велик, и многие с искренним чувством украсили себя красными бантами. Моя семья была еще в Твери, и я о банте не подумал, но мне его услужливо прислала госпожа Смагина. На этом торжестве, в первый и последний раз в своей жизни, был и я с красным бантом на груди.

На площадь прибыл гарнизон – четыре полка, – все поголовно в красных украшениях. Иные – в том числе и многие офицеры – разукрасили красными лентами не только самих себя, но также гривы, челки и даже хвосты лошадей. Вся площадь сплошь запестрела красным цветом.

Появились первые митинговые ораторы, на воздвигнутых в разных местах эстрадах. Среди них преобладали люди несерьезные из местной интеллигенции, желающие выплыть наверх в мутной воде. Из серьезных деятелей выступал, кажется, только один член Государственной думы Крамарев, бывший уездный предводитель дворянства. Неожиданно выявил себя демагогическим оратором молодой податной инспектор Пржевальский, местные адвокаты... Но всех затмил, больше всех на шумел выступавший по очереди на всех эстрадах штабс-капитан Канторов. Он выкрикивал с эстрады:

– Нам не надо тронов и царских чертогов!²⁵

²⁴ Правильно: «Только утро любви хорошо: хороши только первые, робкие речи...» (1883).

²⁵ Использованы слова из «Рабочей Марсельезы» П. Л. Лаврова (1875), утвержденной Временным правительством в качестве государственного гимна: «Нам враждебны златые кумиры, / Ненавистен нам царский чертог».

– Гу, гу! – шумит сочувствующая толпа, по преимуществу – покинувшие строй солдаты.
– У них заводятся летучие мыши и всякая ночная нечисть!
– Гу, гу, гу!!! – восторженно режут окружающие.

Где только появится бритая, с хитрыми, плутовскими глазами, физиономия этого бойкого на язык демагога, наперед разносится сочувственный гул.

Полки выстраиваются. Объезжает начальник гарнизона со свитой. Смотрю на Мириманова. Лицо бледное, на губах вымученная приветливая улыбка. На груди большой красный бант. Не воинственное выражение лиц и у сопровождающих его верхом полковых командиров.

– Здравствуйте, товарищи солдаты!

Губы Мириманова кривятся не в улыбку, а в нервную гримасу.

– Здравствуйте, товарищ полковник!

Полки отвечают нестройно, вяло.

Один из полков на приветствие полковника Мириманова ответил гробовым молчанием. У командира полка – бледное, растерянное лицо. Мириманову, видимо, стоило нечеловеческого труда сдержаться и проглотить это оскорбление в строю. Он сдержался.

Впечатление – скверное и мало хорошего предвещающее.

Балкон одного из домов, выходящих на площадь – какая-то воинская канцелярия. На балконе полно солдат, впереди – молодой человек с интеллигентным лицом. Разговоры:

– Студент, одетый в солдатскую шинель...

Студент произносит горячую речь, она посвящена памяти жертв освободительного движения. Говорит хорошо, его слушают. А затем начинает красивым баритоном:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...²⁶

Хор, очевидно заранее подготовленный, дружно подхватывает, увлекая толпу. Несется:

Вы отдали все, что могли, за него...

Трогательно и производит глубокое впечатление.

Развал

День за днем, и развал увеличивался. Приказ «номер первый»²⁷ быстро оказывал свое действие. В массах, особенно в солдатских, все более и более заинтересовывались фактическим правительством в Петрограде – Советом солдатских и рабочих депутатов.

Улицы и особенно бульвар в дневные часы заполнены толпами шатающихся солдат, с расстегнутыми воротами, иногда декольтированными, зачастую без пояса и босых. И это – солдаты!.. Целыми часами лежат они на лужайках, покрытых весенней травой берегов Волги, и на бульваре. Повсюду играют в карты и повсюду видны бутылки водки. Кругом них все заплевано и засорено шелухой семечек.

Военные занятия фактически уже прекратились.

Пришлось мне в это время съездить с семьей в Тверь. Там картина была еще хуже.

Во время переворота толпы солдат и черни бросились к старому екатерининскому дворцу. Потребовали выхода к ним губернатора Бютинга.

²⁶ Похоронный марш, созданный А. А. Амосовым в 1870-х – начале 1880-х гг.

²⁷ Приказ № 1, изданный Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 г., предписывал создание в каждой части комитета из выборных представителей от нижних чинов, под контроль которых передавалось все оружие, с уравнением в правах солдат с остальными гражданами и отменой титулования офицеров и отдания им чести вне службы.

Раньше Бюнтинг держал себя очень властно и высокомерно. Помню картину на пасхальной заутрене, в соборе: десятка полтора городских, взявшись за руки, образовали вокруг Бюнтинга цепь, отделявшую его от остальных смертных. Среди живой цепи, напыщенный и изолированный, выступал грузный губернатор... Это как-то мало соответствовало великому христианскому празднику.

Теперь Бюнтинг оробел, вышел к толпе. Чернь поволокла его по улицам, оскорбляя и избивая. Сорвали с Бюнтинга одежду и под конец тут же, на улице, зверски убили. Труп, обнаженный, долго лежал на улице, его не позволяли подобрать. Комиссара А. А. Червен-Водали, пытавшегося спасти Бюнтинга, едва самого не убили, во всяком случае ранили.

Позже, уже в эмиграции, при лекционном турне в прибалтийских государствах я увидел в пещере Печерской лавры²⁸ гробницу, в которой был под конец похоронен Бюнтинг.

За тверским полицеймейстером Измайловым²⁹ гонялись, желая его убить. Измайлов спасся от смерти, укрывшись в пригородном лесу.

Одного генерала, проходившего на окраине города, близ железнодорожной станции, толпа солдат забросала до смерти камнями.

Червен-Водали пригласил меня присутствовать на происходившем под его председательством во дворце съезде делегатов из разных мест губернии. Представители уездных городов, все больше из либеральных земских деятелей, рассказывали в своих отчетных докладах, как протекали революция и переворот в их городах. Вырисовывалась картина довольно мирная и почти бескровная.

Взял слово оратор в солдатской форме:

– У вас протекло все бескровно, потому что никакой революции у вас на самом деле и не было! Где революция, там должна пролиться кровь! Вот, например, в Твери: здесь революция была, и кровь также была пролита. И вообще, – продолжал он, – почему это вы воображаете, будто революцию произвели вы, ин-тел-лигенция? Вздор! Неправда! – он стал повышать тон. – Ее произвели мы, солдаты!! – закричал он во весь свой мощный голос.

²⁸ Псково-Печерский монастырь, согласно Тартускому мирному договору 1920 г., оказался на территории независимой Эстонии, где оставался вплоть до присоединения ее в 1940 г. к СССР.

²⁹ Первоначально в тексте стояла фамилия Михайлов, которая зачеркнута карандашом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.